

3018325

В. В. ВЕРТОГРАДОВА

ПРАКРИТЫ

В.В. ВЕРТОВА
ВОДОВА
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт востоковедения

ПРАЖИТЫ

Серия «Вопросы истории»
Вып. 1. 1971 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Восток»
Москва

**ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ**

*Серия основана
проф. Г. П. Сердюченко*

В.В. ВЕРТОГРАДОВА

ПРАКРИТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1978

3078325

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В. М. Солнцев (председатель), *Н. А. Дворянков*,
Н. А. Лисовская (ученый секретарь), *Ю. Я. Плам*, *Г. Д. Санжеев*

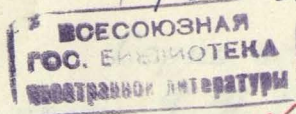
Ответственный редактор

Т. Я. Елизаренкова

* U 1 0 0 6 6 9 8 5 9 *

1760287

Иванов

Очерк посвящен описанию литературных среднеиндийских языков — пракритов, употреблявшихся в первые века нашей эры и сыгравших важную роль в истории индийской культуры.

Исследование проведено на основе изучения текстов поэзии и драмы с привлечением материалов из древнеиндийских трактатов по грамматике и эстетике. Описание проведено на фонологическом, фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

В $\frac{70104-059}{013(02)-78}$ —215-78

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1978.

44

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г. П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у советских и зарубежных читателей.

В настоящее время публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга лингвистов и историков — научных работников и аспирантов, а также для преподавателей и студентов восточных филологических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н. В., Амхарский язык.

1960 г.

Андронов М. С., Тамильский язык.

Дворянков Н. А., Язык пушту.

Дмитриев Н. К., Турецкий язык.

Дорофеева Л. Н., Язык фарси-кабули.

Зограф Г. А., Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.

Иванов В. В., Топоров В. Н., Санскрит.

Катенина Т. Е., Язык хинди.

Мазур Ю. Н., Корейский язык.
 Мячина Е. Н., Язык суахили.
 Наджип Э. Н., Современный уйгурский язык.
 Насилов В. М., Язык орхоно-енисейских памятников.
 Петруничева З. Н., Язык телугу.
 Рубинчик Ю. А., Современный персидский язык.
 Санжеев Г. Д., Современный монгольский язык.
 Смирнова М. А., Язык хауса.
 Солнцев В. М., Лекомцев Ю. К., Мхитарян Т. Т.,
 Глебова И. И., Вьетнамский язык.
 Теселкин А. С., Алиева Н. Ф., Индонезийский язык.
 Тодаева Б. Х., Монгольские языки и диалекты Китая.
 Толстая Н. И., Язык панджаби.
 Фельдман Н. И., Японский язык.
 Фролова В. А., Белуджский язык.

1961 г.

Бабакаев В. Д., Ассамский язык.
 Горгониев Ю. А., Кхмерский язык.
 Коростовцев М. А., Египетский язык.
 Коротков Н. Н., Рождественский, Ю. В., Сердю-
 ченко Г. П., Солнцев В. М., Китайский язык.
 Курдоев К. К., Курдский язык.
 Морев Л. Н., Плам Ю. Я., Фомичева М. Ф., Тайский
 язык.
 Охотина Н. В., Язык зулу.
 Рерих Ю. Н., Тибетский язык.
 Сердюченко Г. П., Чжуанский язык.
 Теселкин А. С., Яванский язык.
 Шарбатов Г. Ш., Современный арабский язык.
 Яковлева И. П., Язык ганда (луганда).

1962 г.

Андронов М. С., Язык каннада.
 Дымшиц З. М., Язык урду.
 Соколов С. Н., Авестийский язык.

1963 г.

Аракин В. Д., Мальгашский язык.
 Завадовский Ю. Н., Арабские диалекты Магриба.
 Иванов В. В., Хеттский язык.
 Катенина Т. Е., Язык маратхи.
 Маун Маун Ньюн, Орлова И. А., Пузицкий Е. В.,
 Тагунова И. М., Бирманский язык.
 Насилов В. М., Древнеуйгурский язык.

Оранский И. М., Иранские языки.
Пашков Б. К., Маньчжурский язык.
Тенишев Э. Р., Саларский язык.
Теселкин А. С., Древнеяванский язык (кави).
Шифман И. Ш., Финикийский язык.
Яковлева В. К., Язык йоруба.

1964 г.

Вентцель Т. В., Цыганский язык (севернорусский диалект).
Выхухолев В. В., Сингальский язык.
Еланская А. И., Коптский язык.
Карпушкин Б. М., Язык ория.
Липин А. А., Аккадский язык.
Меликишвили Г. А., Урартский язык.
Санжеев Г. Д., Старописьменный монгольский язык.
Токарская В. П., Язык малинке (мандинго).
Церетели К. Г., Современный ассирийский язык.

1965 г.

Андронов М. С., Дравидийские языки.
Аракин В. Д., Индонезийские языки.
Герценберг Л. Г., Хотаносакский язык.
Дьяконов И. М., Семитохамитские языки.
Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н., Язык пали.
Ефимов В. А., Язык афганских хазара (якаулангский диалект).
Королев Н. И., Язык непали.
Павленко А. П., Сунданский язык.
Савельева Л. В., Язык гуджарати.
Сегерт Ст., Угаритский язык.
Эдельман Д. И., Дардские языки.
Юань Цзя-хуа, Диалекты китайского языка.
Яхонтов С. Е., Древнекитайский язык.

1966 г.

Бауэр Г. М., Язык южноаравийский письменности.
Быкова Е. М., Бенгальский язык.
Егорова Р. П., Язык синдхи.
Крус М., Шкарбан Л. И., Тагальский язык.
Расторгуева В. С., Среднеперсидский язык.
Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х., Язык желтых уйгуров

1967 г.

Завадовский Ю. Н., Берберский язык.
Крупа В., Язык маори.
Старинин В. П., Эфиопский язык.

1968 г.

Кямилев С. Х., Марокканский диалект арабского языка.
Пузицкий Е. В., Качинский язык (язык чжингпхо).

1969 г.

Дунаевская И. М., Язык хеттских иероглифов.
Миронов С. А., Язык африкаанс.
Пахалина Т. Н., Памирские языки.

1970 г.

Климов Г. А., Эдельман Д. И., Язык бурушаски.
Парфионович Ю. М., Тибетский письменный язык.
Смирнов Ю. А., Язык ленди.

1971 г.

Андронов М. С., Язык брауи.
Захарьин Б. А., Эдельман Д. И., Язык кашмири.
Т тов Е. Г., Современный амхарский язык.

1972 г.

Морев Л. Н., Москалев А. А., Плам Ю. Я., Лаосский язык.
Сыромятников Н. А., Древнеяпонский язык.

1973 г.

Аракин В. Д., Самоанский язык.
Крюков М. В., Язык иньских надписей.
Топорова И. Н., Язык лингала.

1974 г.

Вильскер Л. Х., Самаритянский язык.
Леонтьев А. А., Папуасские языки.
Насилов В. М., Язык тюркских памятников уйгурского письма XI—XV вв.

1975 г.

Крупа В., Полинезийские языки.
Сирк Ю. Х., Бугийский язык.
Фихман Б. С., Язык игбо.

1977 г.

Лебедев В. В., Поздний среднеарабский язык (XIII—
XVIII вв.).

Редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: 103045 Москва, ул. Жданова, 12/1, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Пракриты — это литературные языки индоарийской языковой группы среднеиндийского периода (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.), складывавшиеся на рубеже нашей эры. Их возникновение связано прежде всего с художественной литературой и театром. Предшественниками праkritов, не считая пали, языка буддийской литературы, были различные виды *бхаша* (*bhāṣa*), в некоторой степени систематизированные среднеиндийские языки, которые частично засвидетельствованы эпиграфикой. Об этих бхаша принято говорить «ранние пракриты», «эпиграфические пракриты». Однако эти языки нельзя считать собственно праkritами¹, поскольку они не были, строго говоря, «произведены» от санскрита и не обладали той степенью системности, которая характерна для праkritов². Надписям на этих языках свойственна тенденция к архаизации и сначала незначительной, но постепенно усиливавшейся санскритизации.

От среднеиндийского периода до нас не дошло никаких текстов, воспроизводящих разговорные языки того времени. Исключение составляют отдельные реплики представителей разных народностей Индии, зафиксированные в джайнском сочинении Дакшиньячхикхнасури «Кувалаямала» («Гирлянда лотосов»).

Все известные нам среднеиндийские языки, засвидетельствованные в письменных источниках, подвергались в той или иной степени переработке. Эти стилизованные среднеиндийские языки употреблялись в религиозных проповедях, административно-политической документации, а также как языки театрализованного действия и художественной литературы.

¹ Хотя они не были и разговорными языками.

² Некоторые авторы склонны даже отождествлять понятие «праkrit» с разговорными среднеиндийскими языками, противопоставляя их литературному языку — санскриту.

Современные исследователи обычно называют праkritами среднеиндийские языки (иногда за исключением пали), выполнявшие все эти функции, выделяя при этом ранние и поздние праkritы. Но это позднее и непомерно широкое значение слова «праkrit» не соответствует тому, что понимали под этим термином в древней и средневековой Индии.

Для выяснения значения слова «праkrit» надо обратиться прежде всего к языковой ситуации, сложившейся в Индии к началу I тысячелетия н. э., а также принять к сведению свидетельства о праkritах самих древних авторов.

В первой половине I тысячелетия Индию населяли многие народности, которые говорили на своих местных языках (*deśabhāṣā*). В середине I тысячелетия, по свидетельствам джайнской литературы, было принято выделять 18 основных местных языков (*aṭṭharasa-deśibhāṣā*). Дакшиньячхнасури [83] перечисляет 18 народностей, которые были носителями местных языков: *gollaa* — бенгалцы, *majjhadesa* — жители срединной страны между Гангом и Ямуной, *māgaha* — жители Магадхи, *antaveta* — жители восточных областей междуречья Ганга и Ямуны, *kira* — кашмирцы, *takka* — панджабцы, *sendhava* — жители местности, расположенной по нижнему течению Инда, *magua* — жители северо-западной части Раджастанхана, *gujjaga* — жители юго-западной части Раджастанхана, *lāḍa* — жители полуострова Катхьявар, *mālava* — жители восточной части Раджастанхана, *kaṇṇaḍa* — дравидийская народность, населявшая среднюю часть западного побережья Декана, *taia* — жители Балха, *kosala* — жители страны Кошала, *magāhaṭṭha* — жители Махараштры, *andhra* — дравидийская народность, носители языка телугу. По-видимому, в этом списке были еще две народности³: *anga* — анги и *drāvīda* — тамилы.

Считалось, что эти языки являются средством общения в *джати* (*jāti*), т. е. в племенных объединениях, сложившихся в различных областях Индии. Причем джати, где говорили на индоарийских языках, определялись как чистые (*śuddhajāti*), а джати, где разговорным языком были неиндоарийские языки Индии (дравидийские, иранские, мунда и др.), считались нечистыми (*aśuddhajāti*).

Сущность и значение складывавшихся в этой ситуации нормализованных языков — праkritов следует выяснить прежде всего по двум ранним свидетельствам о праkritах: грамматике Вараручи («Праkritапракаша») [93] и фрагменту о праkritах из трактата о театральном искусстве («Натьяшастра») Бхараты [92], компилятивного сочинения III—IV вв.

³ Два последних стиха перечня утеряны [83].

Грамматика Вараручи с комментарием Бхамахи⁴ (IV—V вв.) содержит описание только одного пракрита — махараштри. Последние три главы грамматики, характеризующие другие пракриты, как убедительно доказала Л. Нитти-Дольчи [55], есть добавление Бхамахи или других комментаторов. Это добавление, составленное, вероятно, около V в., засвидетельствовало еще три пракрита: шаурасени, магадхи и пайшачи. Характерно, что в основной части грамматики Вараручи махараштри не назван. По-видимому, в это время под словом «праkrit» имели в виду именно махараштри.

Значительная часть XVII главы «Натьяшастры» представляет собой сочинение о пракритах. Этот текст служил руководством для актеров, которые исполняли роли, составленные на пракритах. Наиболее древним ядром текста XVII главы является фрагмент пракритской грамматики (по-видимому, махараштри). Сам текст грамматики также образец махараштри, он вставлен в середину другого текста о пракритах, написанного на санскрите. Эти восемь стихотворных строк текста грамматики (см. «Приложение», стр. 99) дают сжатое изложение всей фонетической системы махараштри, причем с некоторыми особенностями (например, допустимость некоторых сочетаний согласных *sr*), которые позволяют думать, что этот текст взят из трактата, составленного раньше грамматики Вараручи. Интересно, что махараштри в этом тексте также назван просто пракритом (*pāua*).

Анализ XVII главы «Натьяшастры» позволяет заключить, что текст этот содержит по крайней мере два слоя. Один относится только к языкам — бхаша, второй — к пракриту (*pāua*).

Наиболее ранним понятием применительно к языкам, использовавшимся в драме, было понятие *джати-бхаша* (*jāti-bhāṣā*). По-видимому, в период формирования драматических жанров джати-бхаша, используемые в драме, представляли собой местные языки (*deśabhāṣa*), упрощенные в некоторой степени; тексты на этих языках в каждом конкретном представлении импровизировались.

В начале нашей эры в практике индийского театра возникает понятие *вибхаша* (*vibhāṣā*), т. е. «измененный бхаша». В драме понятие «вибхаша» относилось к воспроизведению разговорного языка, который употреблялся в джати неиндоарийского происхождения (в нечистых джати). Согласно «Натьяшастре», к этому виду языков относились дравидийские (*dramila*, *andhra*), мунда (*śabara*, *candala*), иранские (*śakara*).

⁴ Идентичность Бхамахи с известным автором трактата по поэтике («Кавьяланкара») не доказана, но и не исключена.

Если в сценическом использовании джати-бхаша индоарийского происхождения предполагалось сохранение основных черт фонетического и грамматического строя языка, то в случае использования в драме языков неиндоарийского происхождения (*mleccha*), т. е. при создании вибхаша, достаточно было употребления отдельных слов и соблюдения некоторых фонетических черт, которыми окрашивалась речь актера, роль которого была составлена на языке типа индоарийского бхаша.

Указание «Натьяшастры» на то, что в драме, где производится речь чистых джати, можно давать на сцене или бхаша, приближающийся к (основанный на) шаурасени, или по желанию драматурга использовать местные языки (*deśabhāṣā*), определенно свидетельствует, что бхаша шаурасени раньше других бхаша приобрел статус пракрита.

Некоторые из перечисленных «Натьяшастрой» и употреблявшихся на сцене бхаша так и не достигли той степени нормированности, которая дала бы возможность назвать их пракритами. Они постепенно вышли из употребления, оттесненные главными сценическими пракритами: шаурасени и магадхи.

Известно, что помимо бхаша, упомянутых «Натьяшастрой», в драмах использовались и другие бхаша, у которых также наблюдалась тенденция к нормированности. Так, Дандин наряду с шаурасени упоминает бхаша *gaudī*, *lāṭī* (восходящие к диалектам Бенгала и Раджастхана), правда, с оговоркой: «в дискуссиях о них говорят как о пракритах» [94, I, 35].

Таким образом, семь приведенных в «Натьяшастре» бхаша (магадхи, аванти, прачья, шаурасени, ардхамагадхи, бахлика и дакшинатья), представлявших на рубеже нашей эры местные языки основных областей Индии, приспособленные к сценической практике, еще не были собственно пракритами. Их можно назвать лишь прапракритами, если рассматривать в русле того раннего текста, который включен в «Натьяшастру». В контексте же всей XVII главы компилятор, по-видимому, квалифицирует их как пракриты.

Чтобы стать вполне пракритами, эти джати-бхаша должны были достигнуть той значительной степени нормированности, какую получил, например, «лучший из пракритов» — махараштри — язык лирической поэзии. В чем же заключалась эта нормированность и что же означал термин «праkrit» с точки зрения индийцев начала нашей эры?

Прежде всего, пракрит — это такой язык, в котором должны наличествовать три уровня (*krama*): *tatsama*, *tadbhāva* и *deśī*. Это требование трех уровней встречается уже у Вараручи, затем в «Натьяшастре» и повторяется у Данди-

на. Оно не только распространяется на лексику, но и охватывает структуру языка в целом.

Понятие *tatsama* («подобный ему, т. е. санскриту») относится ко всему тому в системе языка, что является общим для древнеиндийского и среднеиндийского языкового состояния, причем в области и фонологии, и морфологии, а не служит, как в новоиндийских языках, указанием на существование в пракритах слов, заимствованных из санскрита⁵. Об этом свидетельствуют примеры, приводимые «Натьяшастрой» (*kaṁala* 'лотос', *reṇu* 'пыльца' и др.).

Второй уровень, наиболее существенный для пракритов, *tadbhāva* («его, т. е. санскрита, природы, его происхождения») имеет в виду те языковые факты, которые представляются преобразованными по законам соответствий между древнеиндийским и среднеиндийским языковыми состояниями, т. е. речь идет обо всем образованном по правилам соответствия между санскритом и пракритом. Этот фрагмент системы, сохраняя «природу санскрита», являлся в то же время отпавшим от него (*vibhraṣṭam*).

Такой язык, «отпавший» от санскрита, мыслился в то же время как приближающийся (*saṁāśrita*) к тому или иному местному языку (*deśabhāṣā*), но ни в коем случае не тождественный ему. На это указывает третий уровень *deśī* — местная диалектная лексика и некоторые другие региональные особенности. Этот третий слой есть «окраска» пракрита, т. е. то, что придает ему живость, красочность.

Что касается самого термина «праkrit» (*prākṛtam*), то современные исследователи придерживаются тех двух основных толкований, которые давались этому слову средневековыми индийскими авторами. Одни (например, Хемачандра) считали, что оно образовано от *prākṛti* 'первоначальный элемент', 'основа', имея в виду санскрит как основу пракрита. Другие (например, Намисаддху) объясняли слово «праkrit» как «обычный», «естественный», «вульгарный», понимая под этим естественную речь и противопоставляя ее искусственному литературному языку — санскриту. Это второе объяснение, идущее от риториков, свидетельствует о непонимании сущности пракритов, которые никогда не были естественными разговорными языками. Первая точка зрения, по нашему мнению, более убедительна⁶. По-видимому, термин «праkrit» можно возвести к причастию от глагола *pra + kṛ* 'выводить', 'производить' (*prākṛtam* — сильная ступень корня), так что слово «праkrit», или «произведенный», имеет в сущности то же значе-

⁵ Кстати, слов, заимствованных из санскрита, в махараштри, например, не встречается.

⁶ В настоящее время ее разделяет В. Пизани [58].

ние, что и название наиболее существенного второго уровня пракрита — *tadbhāva* («его происхождения»).

Многие современные исследователи порицают древних авторов за то, что те выводят пракрит из санскрита. При этом обычно доказывается, что пракриты имеют много общих черт с ведийским языком. Однако ни один индийский автор того времени, утверждая, что пракрит происходит от санскрита, не имел в виду чисто генетическую связь, а лишь конструктивную преемственность. Практики как искусственные литературные языки строились на основе санскрита, т. е. санскрит был в данном случае исходной точкой, и закономерности пракритов выводились из законов санскрита. Так, например, построена грамматика Вараручи. Именно в этом смысле индийские грамматики называли санскрит «матерью пракритов», а махараштри — лучшим из пракритов и наиболее близким к санскриту.

Лишь с появлением на среднеиндийских языках значительных литературных текстов постепенно вырабатывается требование трех уровней и создается пракритская грамматика, построенная как набор правил соответствий между санскритом и пракритом.

Становление литературных пракритов как языков лирической поэзии и драмы, по-видимому, происходило независимо друг от друга. Только после того, как гатхи махараштри вошли в классическую драму (около III в. н. э.), к грамматике махараштри было добавлено небольшое руководство для сценических пракритов. При этом махараштри был объявлен первым пракритом.

Пракрит *махараштри* получил наименование по названию Махараштры, области, расположенной на Декане между горами Виндхья на севере и р. Китсней на юге. Как язык поэзии махараштри сложился в самом начале нашей эры в период правления Сатаваханов.

В то время индоарийские племена, полностью освоившие Северную Индию, на Декане все еще составляли небольшие «острова», окруженные «морем» аборигенных племен, дравидийских с юга и с востока, мунда с северо-востока. В таких условиях языковые контакты, имевшие место в этих областях, оказали значительное влияние на складывавшиеся литературные языки. Именно с этим связан уровень *deśī*, т. е. местной, в основном неиндоарийской, лексики в языке махараштри.

Другим существенным моментом, повлиявшим на формирование поэтического языка, была, видимо, особая манера песенного исполнения, распространенная в фольклоре деканских областей, суть которой состояла в проглатывании ослабленных интервокальных смычных, в результате чего в звуковых цепях махараштри появились скопления

гласных. Сложившийся таким образом язык, по-видимому, отражает некоторые черты местного разговорного языка Махараштры, в частности, своеобразный характер произношения аффрикат, свободное варьирование зубных и плавного [l] и др., но в целом представляет собой отличный от живых диалектов нормативный литературный язык.

Этот язык был сопоставлен с санскритом. Его грамматика была фиксирована как определенное преобразование правил санскритской грамматики, а сам язык объявлен «отпавшим», или «произведенным» от санскрита (*prākṛta*). Несколько позже, проникнув в другие области Индии, этот литературный язык и получил название махараштри — по наименованию местности, где сложилась пракритская поэзия.

Именно по образцу этого языка (пракрита) в области языков театра были созданы другие пракриты путем стихийного отбора и нормализации местных диалектов и приспособления их для целей драматического искусства.

Пракрит *шаурасени* получил наименование по названию области Шурасена, расположенной на северо-западе Индии, вокруг г. Матхуры. Это главный пракрит классической драмы, выделившийся среди других драматических бхаша. Как и махараштри, его можно назвать первичным пракритом, поскольку основой его грамматика Псевдовараручи считает санскрит, а другие сценические пракриты описываются на основе шаурасени. Пракрит шаурасени, возможно, имеет некоторые черты диалекта области Мадхьядеша. По-видимому, этот пракрит наиболее близок диалектной базе санскрита.

Как литературный язык шаурасени занимал в драме второе место после санскрита. Это язык героини пьесы и ее подруг, а также некоторых мужских персонажей среднего ранга, т. е. евнухов, астрологов, видушаки. В драмах, составленных целиком на пракритах, шаурасени выполнял функции санскрита.

Другим важным сценическим пракритом был *магадхи*, получивший наименование по названию Магадхи, восточной области Индии (современный Бихар). Ряд специфических особенностей этого языка засвидетельствован уже в ранних источниках: в надписи Шутанука из Рамгарха, во многих эдиктах Ашоки (III в. до н. э.). Во второй половине I тысячелетия до н. э. Магадха была наиболее могущественным государством в Индии, и язык, основанный на диалекте этой области, несколько архаизированный, был главным административным языком страны.

Он был распространен почти по всей Индии. Язык магадхи выступал тогда в нескольких вариантах. Одни из них были близки разговорному диалекту восточных обла-

стей, другие подверглись значительному влиянию северо-западных диалектов.

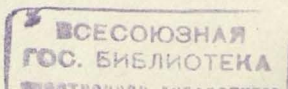
Литературный магадхи сложился, по-видимому, в начале нашей эры, когда Магадха уже потеряла свое политическое значение. Магадхи возник как вторичный пракрит. Древние грамматики считали его основой не санскрит, а пракрит шаурасени. Магадхи закрепился в драме за персонажами, которые в наставлениях по театральному искусству квалифицировались как низшие: стражники, соглядатаи, мужчины, живущие в женских покоях, буддийские монахи, герой (если он попал в опасность).

К числу пракритов обычно относят также так называемые джайнские пракриты: ардхамагадхи, джайн-махараштри и джайн-шаурасени.

Ардхамагадхи, или *арша* (*ārṣam* 'язык *rṣi*'), представлял собой в некоторой степени стилизованный язык, близкий к языку первоначальной джайнской (возможно, и буддийской) проповеди. Характерно, что его никогда не считали произведенным от санскрита. Из всех пракритских грамматиков только Хемачандра рассматривает язык арша, однако с оговоркой, что все правила, определяемые для арша, имеют исключения [98, I, 3], что для арша все разрешено [98, II, 174]. Тривикрама исключает арша, как и дешья, из своей грамматики на том основании, что арша — «язык самостоятельного происхождения (*rūdhātvaṭ*)», т. е. не имеет в основе санскрит. Амарасимха и Лакшмидхара не упоминают арша. Единственная грамматика, трактующая арша как пракрит, — грамматика Чанды «Пракриталакшана» [96]. Однако текст ее неполный, и степень изученности его не позволяет сделать какие-либо выводы. Во всяком случае, языки джайнизма представляют собой менее упорядоченные бхаша, более близкие к местным языкам (*deśabhāṣā*). Поэтому они не являются собственно пракритами, а причисляются к пракритам значительно позже.

Праkritы *джайн-шаурасени* и *джайн-махараштри* названы так Г. Якоби [38]. Они не являются формами махараштри и шаурасени, а имеют с ними лишь некоторые черты сходства. Эти языки очень плохо изучены.

С лингвистической точки зрения пракриты представляют дальнейшую стадию развития среднеиндийских языков по сравнению с языком пали и различными формами бхаша, засвидетельствованными эпиграфикой (ранняя стадия). Для языков этой второй стадии в области фонетики был характерен процесс постепенного озвончения, спирантизации и выпадения интервокальных смычных. В разговорных диалектах этот процесс происходил по-разному у разных групп смычных согласных. На основе эпиграфических памятников можно заключить, что в первую очередь он за-

тронул гуттуральные, несколько позже — зубные и совсем не распространился на церебральные. В пракритах как бы кристаллизовались различные фазы этого процесса, причем не допускалось никаких исключений. Так, на стадии шаурасени и магадхи гуттуральные и палатальные интервокальные смычные подверглись ослаблению и выпали. Практик махараштри фиксирует дальнейший этап этого процесса, когда произошло падение всех интервокальных смычных, кроме церебральных. При этом различительные возможности внутри слова достигли минимума.

Региональные особенности, которые нашли отражение в пракритах, также представляют абсолютизацию некоторых местных черт. Есть основания думать, что единственный плавный *l* в магадхи соответствует вариантам этой фонемы [ɾ], [l] в восточных диалектах. Что касается звука [ʃ] в магадхи, то грамматика Псевдовараручи считает *ś* инвариантом, тогда как большинство текстов зафиксировали для восточных диалектов аллофоны [ʃ], [ʂ], [s]. Возможно, денто-палатальный характер аффрикат в махараштри (т. е. «цоканье») есть абсолютизация одной из особенностей южного диалекта, где денто-палатальное произношение было связано лишь с некоторыми позициями, как, например, в современном языке этой области] — маратхи.

В плане морфологии пракриты также засвидетельствовали дальнейшее развитие ранних среднеиндийских языков. Основные особенности этого развития заключаются в постепенном уменьшении синтетизма (в области имени, глагола, степеней сравнения прилагательных и т. д.), сведении всех основ имени к основам на гласную, разрушении единой глагольной системы в результате утраты глагольных форм претерита, исчезновении категории среднего залога, кондиционалиса и т. д.

Дальнейшее развитие этих тенденций можно проследить в апабхрانشа, ряде литературных языков, возникших несколько позже пракритов и явившихся более непосредственными предшественниками новоиндийских языков.

В начале нашей эры в Махараштре сложился еще один вид литературного языка — *пайшачи*. На этом языке не сохранилось сколько-нибудь значительных текстов. Зафиксированы лишь отдельные фразы и небольшие отрывки, главным образом в сочинениях по грамматике и риторике. Самым большим текстом, воспроизводящим этот язык, является отрывок из «Кувалаямалы» («Гирлянды лотосов») Дакшиньячихнасури [83] (см. «Приложение», стр. 103 наст. изд.).

Относительно пайшачи в наше время имеется значительная критическая литература. К этому языку обращались такие исследователи, как С. Конов [40], Р. Хёрнле [96], Дж. Грирсон [30], Р. Пишель [59], Ф. Лакот [44], А. Ма-

стер [51], Ф. Б. Дж. Кёйпер [83], Л. Нитти-Дольчи [55] и др., и, пожалуй, нет в древней Индии языка и области, с которыми не пытались бы соотнести пайшачи, однако даже в самых недавних работах он все еще фигурирует как «Mysterious Paśāci».

В грамматиках Псевдовараручи и Хемачандры пайшачи причисляется к пракритам. Однако средневековые версии наиболее раннего произведения на пайшачи — «Брихаткатхи» («Великого сказа») Гунадхьи, дошедшие до нас от Сомадэвы, Джаяратхи и др., называют пайшачи *bhāṣātrayaṁ-lakṣanam* «не принадлежащий к трем основным видам языков (санскрит, пракрит, деши)» или *caturthya bhāṣā* «четвертый язык», т. е. считают его особым типом языка. Уже ранние грамматики свидетельствуют о том, что было несколько разновидностей пайшачи.

Не претендуя на окончательное разъяснение сущности и происхождения пайшачи, выскажем некоторые соображения по поводу этого языка, которые диктуются изучением имеющихся текстов и древних грамматик.

Если все пракриты, пусть в упрощенной или утрированной форме, отражали те процессы, которые были свойственны живым разговорным языкам среднеиндийского периода, то в пайшачи содержались тенденции, противоположные этому пути развития. Мы уже говорили, что озвончение интервокальных смычных с последующей их спирализацией и частичным падением было одной из наиболее характерных черт языков среднеиндийского периода. Об этом свидетельствуют и данные эпиграфики. Однако основным отличительным признаком языков типа пайшачи, согласно описаниям ранних грамматик, является именно оглушение интервокальных смычных (в одних разновидностях пайшачи) и оглушение всех смычных (в других). Несмотря на все непоследовательности и ошибки, содержащиеся в примерах из языка пайшачи в древних грамматиках, исследование этих примеров приводит к заключению, что указанное свойство пайшачи не может быть следствием естественного развития этого языка из древнеиндийского состояния, а привнесено извне в сложившуюся уже среднеиндийскую систему языка.

Отсюда напрашивается вывод, что в случае пайшачи были фиксированы как самостоятельный язык различные виды интерференции, в частности индоарийская речь в произношении неиндоарийских племен (дравидийских, мунда — на юге, иранских, тохарских — на севере). Недаром источники обычно локализуют пайшачи или на севере Индии, или в районе гор Виндхья, т. е. в местах особенно интенсивных языковых контактов.

Так возникли основные разновидности пайшачи, засвиде-

тельствующие ранними грамматиками: с полным устранением оппозиции «глухость—звонкость» и с частичным, что в основе своей зависело от системы языка, сталкивавшегося со среднеиндийским.

По-видимому, оппозиция «глухость—звонкость» в первую очередь охватывается интерференцией при встрече двух языков, в которых эта оппозиция имеет разный объем. Так, например, одна из ранних пьес И. А. Крылова «Подщипа», передавая звучание русской речи в устах немца Трумпфа, использует как наиболее характерную именно корреляцию «глухость—звонкость». По сути дела, вся пьеса Крылова (что касается реплик Трумпфа) составлена на языке типа пайшачи.

В поздних пракритских трактатах по грамматике засвидетельствовано много разновидностей пайшачи. Некоторые из них были, видимо, изобретениями самих грамматиков. Так, грамматик Маркандей называет три вида пайшачи: кекая, шаурасена и панчала [97]. Согласно Рамашарману, пайшачи назывались такие тексты, где, например, стихи, чередуясь, пишутся на двух языках, и такие, где языки «перемешаны друг с другом, как перемешаны в горшке зерна риса и кунжута». Таким образом, у поздних грамматиков признак языкового смешения, который не совсем четко сознавали или специально не оговаривали древние грамматикологи, считается существенным для пайшачи.

Можно думать, что языки типа пайшачи стихийно складывались в разных областях Индии, в первую очередь на северо-западе и в центральных областях. Но как литературный язык пайшачи сложился, видимо, в Махараштре в самом начале нашей эры. В это время в центральных и западных районах Северного Декана языковое смешение нашло отражение во многих сферах развивающейся при Сатаваханах культуры.

Достаточно напомнить, что на реверсе монет царя Вашиштхипуты Сатакарни из рода Сатаваханов (II в.) надписи были сделаны на особом смешанном языке, в котором основы слов дравидийские (видимо, телингские), а флексии — среднеиндийские (т. е. индоарийские). Такой язык, где индоарийские имена представлены средствами дравидийской фонологической системы, по-видимому, широко использовался при Сатаваханах. В это же время была фиксирована смешанная речь двуязычных неарийских племен, населявших горы Виндхья. Индоарийцы центральных и западных районов Махараштры называли эти племена *пишачи*, т. е. «демоны», «людоеды» — типичное название, которое дает в древности один народ другому, отличающемуся своими ритуалами и обычаями. Так сложился пайшачи, один из литературных языков эпохи правления Сатаваханов.

Пракритских сочинений, дошедших до нашего времени, сравнительно немного, но, судя по упоминаниям имен авторов, литература на пракритах была огромна. Значение этой литературы прежде всего в том, что на пракритах были созданы первые и наиболее значительные произведения двух видов классической индийской литературы: лирической поэзии малых форм и повествовательной литературы *катха*, от которой ведет свое происхождение санскритский «роман».

С пракритами связано и рождение классической индийской драмы, поскольку большая часть персонажей говорит на пракритах, а один вид драмы (*самтака*) вообще не знает санскрита.

Только в области эпических жанров пракритские авторы, видимо, следовали санскритским образцам, однако и в этой области на пракритах были созданы выдающиеся произведения.

Пракрит махараштри связан со становлением лирики на Декане, с необходимой структуризацией живого языка при переходе от фольклора к литературному жанру.

Самое раннее (до V в. н. э.) и наиболее интересное собрание лирики махараштри — антология «Саттасаи» («Семь шатак»⁷)⁸. Памятник этот многослойный. И составление его, и авторство отдельных стихов задают нам множество загадок. В версии, считавшейся наиболее авторитетной и широко распространившейся по всей Индии (текст «Вульгата»), составление приписывается Хале. Собрание Халы — это поэзия, разнообразная тематически с четко сложившимся каноном героев, набором сюжетных ситуаций, отражающая разновременные формы жизненного уклада и ритуального поведения.

Сличение разных рецензий «Саттасаи» показывает, что некоторые из них представляют собой совершенно самостоятельные антологии, независимые от собрания Халы, и имеют лишь часть стихов, общих со стихами «Вульгаты». Такова, например, антология «Пракриташирингарашатака» («Пракритская шатака о любви»), составление которой самим текстом этой антологии не приписывается Хале, но тем не менее в издании А. Вебера «Шрингарашатака» значится одной из рецензий «Саттасаи». Несомненно, эта антология должна рассматриваться как самостоятельное произведение. Все это заставляет отнести с доверием к

⁷ *Шатака* (букв. 'сотня') — цикл из ста сикхотворений, объединенных тематически.

⁸ Название «Саттасаи» было дано антологии после IX в.

третьему стиху всех версий антологий, которые единодушно утверждают, что эти семьсот стихов извлечены из *коти* (мириады) им подобных. Традиция сохранила для нас имена поэтов, писавших на этом пракрите. Наиболее известны из них Паматтаа, Хариудда, Поттиса и др., а санскритские поэтики и риторики донесли до нас много безымянных пракритских стихов.

Антологии махараштри составлялись в Индии вплоть до появления литературы на новоиндийских языках, т. е. до XII—XIII вв. Одна из таких антологий — «Вадджалагга», составленная поэтом Джаявалабхой [81], джайном секты шветамбара. Точная дата создания этой антологии неизвестна, однако отдельные стихи, взятые из «Саттасаи» и поэмы начала VIII в. «Гаудавахо», свидетельствуют о том, что она появилась не ранее VIII в. Антология «Вадджалагга», как и «Саттасаи», охватывает широкий круг тем, хотя преобладают стихи любовные. Композиционно сборник построен в виде небольших разделов, называемых *вадджа*, отсюда и его название — «Вадджалагга», т. е. «Составленный из ваддж». Каждая вадджа имеет свою тему, например: «Вадджа о весне», «Вадджа о женщине в разлуке», «Вадджа о раннем утре». Вся антология состоит из 48 ваддж. Такой способ построения характерен для антологий VIII—XII вв. В ранних собраниях стихи располагались вперемешку. Принцип ваддж осуществлен в некоторых, видимо, более поздних, редакциях «Саттасаи».

Недавно в Индии была обнаружена еще одна антология махараштри — «Гатхакоша» («Собрание гатх»), составленная Джинешварасури в 1195 г. По предварительным сообщениям, это интересное собрание, состоящее из 800 *гатх*, различных по тематике. Издание сборника в «Gaekwad's Oriental Series» подготавливается Сандесарой.

Две эпические поэмы, дошедшие до нас на языке махараштри, значительно отличаются друг от друга.

Первая поэма, известная под двумя названиями — «Раванавахо» («Убийство Раваны»), или «Сетубандха» («Строительство моста») [87], — написана на сюжет «Рамаяны». «Раванавахо» упоминается у Баны и Дандина, так что создание ее можно отнести ко времени ранее VI в. За высокие художественные достоинства эту поэму еще в древности иногда приписывали Калидасе, но более признанным ее автором считается Праварасена. Возможно, поэма получила окончательную редакцию при дворе царя Праварасены II (IV в.), покровителя литературного творчества. «Раванавахо» состоит из 15 песен (*āsasa*) и повествует о событиях «Рамаяны», начиная с похода обезьян на Ланку, кончая убийством Раваны. Поэма создана в традиционных формах — махакавы.

Вторая поэма на махараштри, «Гаудавахо» («Убийство царя Гауды») [80], составлена Вакпати, придворным поэтом царя Яшовармана, жившего в начале VIII в. Своими предшественниками Вакпати называет Бхасу, Калидасу, Бхавабхути, Субандху и др. Поэма представляет собой панегирик царю Яшоварману и посвящена его победной экспедиции, закончившейся убийством царя страны Гауда.

Композиционно поэма отличается от «Раванавахо» прежде всего тем, что она не имеет традиционных глав, а представляет собой непрерывное повествование. Однако здесь присутствует особый вид членения, так называемые *кулаки*. Кулака — это группа гатх, объединенных общим смыслом и оформленных синтаксически. Она может быть любой длины. Самая короткая кулака в поэме состоит из пяти гатх, самая длинная — из ста пятидесяти. Такое построение позволяет легко включать в поэму различные отступления автора от основной сюжетной линии, описания, эпизоды из эпоса и пуран, которые излагаются в отдельных кулаках. Одна из кулак, например, представляет собой целую поэму, посвященную временам года (гатхи 254—270); интересна кулака о поэзии (гатхи 62—99), где автор рассуждает о достоинствах и недостатках поэзии, об удачах и неудачах, постигающих поэтов, о ценителях поэзии и пр. Этот раздел интересно исследовать в связи с ранней школой санскритской поэтики.

Поэма Вакпати содержит огромный материал для изучения истории и этнографии Индии середины I тысячелетия. Поэт заставляет царя Яшовармана пройти по всей Джамбудвипе. Это дает автору повод описать разные области Индии, горы, реки, леса, деревенские праздники, обычаи разных народов, в том числе некоторых диких неиндоарийских племен, живущих в горах Виндхья, почитание богини Кали, для которой совершались человеческие жертвоприношения.

В поэме «Гаудавахо» автор упоминает еще об одной своей поэме, также написанной на пракрите, — «Махумахавиджаа» («Великая победа над Маху»), повествующей о гибели демона Маху от руки Вишну. Но эта поэма до нас не дошла. Одну гатху из нее приводит Анандавардхана в своем трактате по поэтике «Дхваньялоке» («Свет дхвани»), две гатхи цитирует Сарасватикантхабхарана.

На пракрите пайшачи было создано произведение, оказавшее огромное влияние на всю последующую индийскую литературу — «Брихаткатха» («Великий сказ») Гунадхьи. Утраченное в подлиннике, это сочинение дошло до нас в пересказе позднейших писателей: непальского поэта Будхасвами (VIII—IX вв.) под названием «Брихаткатхашлокасамграха» («Собрание шлок „Великого сказа“») и двух кашмирских

поэтов: Кшемендры, создавшего около 1037 г. «Брихаткатхаманджари» («Ветвь „Великого сказа“») и Сомадевы, автора «Катхасаритсахары» («Океана сказаний», около 1060 г.).

Первое упоминание о «Брихаткатхе» засвидетельствовано в дарственной надписи на медной пластинке, где переложение его на «божественную речь» (*devabhāratī*), т. е., по-видимому, перевод на санскрит, приписывается Дурвините, царю из династии Ганга (VI в.). Затем Гунадхья упоминается Баной и Субандху (VII в.).

Согласно легенде, передаваемой упомянутыми выше кашмирскими поэтами, Гунадхья жил при дворе царя Сатаваханы в Пратиштхане. Эту же легенду излагает еще один кашмирский поэт XII в. Джаяратха в своем собрании шиваитских легенд «Харачаритачинтамани» («Сокровища похождений Шивы»).

Если «Брихаткатха» уже в VI в. была переведена на санскрит, то, несомненно, это произведение было создано ранее V в. Поэтому есть все основания верить легенде, которую единодушно передают поздние пересказчики «Брихаткатхи».

Композиционно «Брихаткатха» вполне соответствовала особенностям жанра катха, изложенным в трактатах по поэтике: сюжет основного повествования (вымышленная история) служил рамкой, в которую вставлялось множество различных рассказов сказочного, дидактического характера, заимствованных из фольклора. По-видимому, первоначальный текст «Брихаткатхи» не был метрическим, а содержал лишь отдельные стихотворные вставки.

Под влиянием Гунадхьи позднее были созданы знаменитые «романы» «Васавадатта» Васубандху и «Кадамбари» Баны, авторы которых ссылаются на Гунадхью как на своего предшественника.

В драматической литературе пракриты широко использовались для условной дифференциации персонажей.

Самое раннее из драматических сочинений — «Шарипутрапракарана» Ашвагхоши (II в.), обнаруженное при раскопках пещерного храма в Западной Куче, использует еще не собственно пракриты, а ранние театрализованные формы трех диалектов: шаурасени, магадхи и ардхамагадхи [85], по-видимому, те самые, которые описывает «Натьяшастра» как джати-бхаша.

В последующий период бхаша ардхамагадхи перестает употребляться в театре, а шаурасени и магадхи постепенно приобретают статус пракритов — основных литературных языков древнеиндийской драмы.

В классической индийской драме (в драмах Бхасы, Калидасы, Бхавабхути и др.) большинство персонажей гово-

рит именно на этих пракритах. Из древних пьес наиболее интересна для изучения языков драма Шудраки «Мриччхатика» («Глиняная повозка»). Здесь наряду с основными пракритами употребляется так называемый *дхакки* («язык игроков»), представляющий собой театрализованную форму вибхаша [89].

В индийской литературе известен особый вид драмы, целиком созданный на пракритах. Такая драма называлась *саттака* (*saṭṭaka*). По-видимому, свое название эта драма получила от особой манеры танцев, характерной для ее представления. Это название в форме *sāḍaka* встречается в надписи на ступе из Бхархута (II в. до н. э.).

До нас дошли саттаки лишь позднего времени. Наиболее известны из них «Рамбхаманджари» Наячандры и «Карпураманджари» Раджашекхары (начало X в.). Однако саттаки, даже поздние, сохраняют некоторые характерные черты ранней стадии развития драматического искусства.

ФОНЕТИКА И ГРАФИКА

Праkritы махараштри, шаураcени и магадхи имеют следующие гласные звуки: краткие гласные — *a, i, u, e, o*, долгие гласные — *ā, ī, ū, ē, ō* и носовые — *ā̃, ī̃, ū̃, (ē̃), (ō̃)*.

Во всех этих языках выделяется пять групп согласных звуков по месту образования, причем каждой из этих групп смычных согласных соответствует носовой согласный того же места образования. Эти группы следующие:

гutturальные:	<i>k, kh, g, gh, ṅ</i>
палатальные:	<i>c, ch, j, jh, ñ</i>
церебральные:	<i>ṭ, ṭh, ḍ, ḍh, ṇ</i>
зубные:	<i>t, th, d, dh, n,</i>
губные:	<i>p, ph, b, bh, m</i>

Вертикальное членение этих пяти групп дает ряды согласных, объединенные единым способом образования, т. е.: глухие непридыхательные, глухие придыхательные, звонкие непридыхательные, звонкие придыхательные и носовые.

В пракритах махараштри и шаураcени группа сонантов состоит из звуков: *ṛ, ḷ, v*, в магадхи: *ḷ, v, u*.

Сибиллянты представлены в махараштри и шаураcени одним глухим *s*, в магадхи — тремя: *s, ś, ṣ*.

Спиранты во всех пракритах представлены звонким фарингальным *h*.

Все перечисленные фонетические свойства пракритов

нашли графическое выражение в древнейшем индийском письме, связанном с индоарийскими языками — брахми.

Алфавит брахми, восходящий к древнесемитскому письму, был создан в середине I тысячелетия до н. э. В своей разновидности «кушанское брахми» этот алфавит в первых веках нашей эры широко употреблялся для записи пракритских текстов. Этим письмом были написаны рукописи на пальмовых листьях, найденные в монастыре в Кызыли. Одна из рукописей содержит текст драмы Ашвагхоши «Шарипутрапракарана», засвидетельствовавший раннее состояние литературных пракритов.

Алфавит брахми кушанского времени был приспособлен в большей степени к фонетической системе пракритов, чем санскрита. Алфавит содержит шесть знаков для гласных: а, ā, i, u, e, o и не имеет знаков для дифтонгов. (В середине слова гласные и дифтонги выражались надстрочными знаками.) Затем идут двадцать знаков для взрывных согласных, которые составляют описанные выше четыре группы согласных, выделенных по месту образования. Далее следуют четыре знака для носовых: ṇa, ṇa, na, ma и четыре знака для сонантов: ya, ga, la, va. Затем следуют три знака для сибилантов: śa, ṣa, sa и один для звонкого спиранта h. Особый знак был для обозначения носовых гласных. Сочетания согласных с гласными передавались посредством лигатур.

Палеографической особенностью алфавита брахми кушанского времени по сравнению с предыдущим периодом было появление так называемой «головки» буквенных знаков — особой горизонтальной черточки, завершавшей вертикальные линии знаков и помогавшей удерживать знаки на одной линии. Эта черточка в дальнейшем развитии письма брахми превратилась в сплошную горизонтальную линию, «держашую» графическое слово, записанное алфавитом деванагари.

Письмо брахми было распространено не только в Индии, но и в Центральной Азии и явилось прообразом многих алфавитов Юго-Восточной Азии.

В IV—V вв. эволюция алфавита брахми привела к возникновению, так называемого гуптского письма, а с VI в. появляется новая модификация брахми — письмо нагари. Алфавитом нагари был записан текст найденной на каменных стелах в Адждмере драмы «Лалитавиграхараджа-натака» («Натака о царе Виграхарадже»). Два сохранившихся акта этой драмы написаны преимущественно на пракрите магадхи.

Кроме того, в середине века для записи пракритских текстов на Декане широко использовалось письмо телинга — письмо дравидийского языка телугу. До нас дошли в

записи этим алфавитом телингская редакция «Саттасаи» и текст антологии «Пракриташрингарашатака».

Возвращаясь к характеристике фонетической системы пракритов, в значительной мере зафиксированной во всех перечисленных типах письма, следует обратить внимание на тот факт, что пракриты, по-видимому, все же имели некоторые фонетические особенности, которые почти не нашли отражения в графике или нашли лишь частичное отражение и остаются для нас неясными. Это касается, например, характера аффрикат в махараштри и магадхи, произношение которых, скорее всего, связано с региональными различиями восточноиндийских и южных диалектов.

Дело в том, что аффрикаты в махараштри (т. е. *c*, *ch*, *j*, *jh*), которые обозначались теми же знаками, что и в санскрите, очевидно, имели иное звучание. И древние, и средневековые пракритские грамматики (Вараручи и Маркандейя) указывают на разные способы произношения аффрикат в махараштри и магадхи. В магадхи, по словам этих грамматиков, аффрикаты произносились как ясные (*spaṣṭa*), а в махараштри — как неясные (*aspaṣṭa*). Некоторые рукописи магадхи перед знаком аффрикат ставят дополнительный знак уа, т. е. передают их как ус, уj, uch, уjh, а иногда и просто через у, uh. По-видимому, знак уа в графической передаче аффрикат был диакритическим знаком, указывающим на отличие в их произношении. Согласно предположению Дж. Гирсона [32], отличие аффрикат в магадхи состояло в том, что они произносились как чисто палатальные, т. е. как *c*, *ch*, *j*, *jh*, а в махараштри и шаураасени — как денто-палатальные, т. е. *ṭs*, *ṭsh*, *ḍz*, *ḍzh*.

Существует и иная точка зрения (А. Вульнер [77]), согласно которой звуки, обозначаемые как ус, uch, уj, уjh, были в магадхи не аффрикатами, а фрикативными, и дополнительный знак уа понадобился для обозначения их фрикативного произношения.

В магадхи и шаураасени существовали фрикативные звуки *ḍ*, *ḍh*, которые возникли в результате процесса, свойственного всем среднеиндийским языкам, который состоял в ослаблении артикуляции всех интервокальных смычных, кроме церебральных. Пракрит махараштри представляет собой крайнюю точку в этом отношении. В этом диалекте ослабленные интервокальные, засвидетельствованные многими эпиграфическими памятниками, подверглись полному выпадению. Пракриты магадхи и шаураасени находились на промежуточной стадии этого процесса, сохраняя в интервокальной позиции зубные *d*, *dh*, ослабленные до фрикативных *ḍ*, *ḍh*.

Что касается фонетической характеристики гласных, то есть основания предполагать, что долгие и краткие глас-

ные в пракритах были противопоставлены не только количественно, но и качественно (вероятно, по интенсивности, по степени открытости и т. д.). Однако точный характер этих качественных различий на основе письменных текстов установить не удастся.

АЛФАВИТ БРАХМИ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

Знаки для гласных

𑖦 a 𑖧 ā 𑖨 i 𑖩 u 𑖪 e 𑖫 o

Знаки для взрывных согласных

𑖬 ka	𑖭 ca	𑖮 ta	𑖯 ta	𑖰 pa
𑖱 kha	𑖲 cha	𑖳 tha	𑖴 tha	𑖵 pha
𑖶 ga	𑖷 ja	𑖸 da	𑖹 da	𑖺 ba
𑖻 gha	𑖼 jha	𑖽 dha	𑖾 dha	𑖿 bha

Знаки для носовых

𑖿 ña 𑗀 ṇa 𑗁 na 𑗂 ma

Знаки для сонантов

𑗃 ya 𑗄 ra 𑗅 la 𑗆 va

Знаки для сибиллянтов

𑗇 śa 𑗈 ṣa 𑗉 sa

Знак для спиранта

𑗊 ha

АЛФАВИТ БРАХМИ ГУПТСКОГО ВРЕМЕНИ

Знаки для гласных

८ a :i i ८ u Δ e ३ o

Знаки для взрывных согласных

† ka ८ ca ८ ta ८ ta ८ pa
 २ kha ८ cha ० tha ० tha ८ pha
 ० ga ८ ja ८ da ८ da ० ba
 ८ gha ८ jha ८ dha ० dha ८ bha

Знаки для носовых

† ña ८ na ८ na ८ ma

Знаки для сонантов

८ ya ८ ra ८ la Δ va

Знаки для сибилантов

८ śa ८ ṣa ८ sa

Знак для спиранта

८ ha

АЛФАВИТ ДЕВАНАГАРИ

Знаки для гласных

अ a इ i उ u ए e ओ o

Знаки для взрывных согласных

क ka	च ca	ट ta	त ta	प pa
ख kha	छ cha	ठ tha	थ tha	फ pha
ग ga	ज ja	ड da	ढ da	ब ba
घ gha	झ jha	ढ dha	ध dha	भ bha

Знаки для носовых

ञ ña	ण ña	न na	म ma
------	------	------	------

Знаки для сонантов

य ya	र ra	ल la	व va
------	------	------	------

Знаки для сибилантов

श śa	ष ṣa	स sa
------	------	------

Знак для спираанта

ह ha

АЛФАВИТ ТЕЛИНГА

Знаки для гласных

అ a	ఆ a	ఇ i	ఉ u	ఎ e	ఁ
-----	-----	-----	-----	-----	---

Знаки для взрывных согласных

క ka	చ ca	ట ta	త ta	ప pa
ఖ kha	ఛ cha	ఠ tha	థ tha	ఫ pha
గ ga	జ ja	డ da	ఢ da	బ ba
ఘ gha	ఞ jha	ఢ dha	ధ dha	భ bha

Знаки для носовых

𑀅 ṅa 𑀆 ṇa 𑀇 na 𑀈 ma

Знаки для сонантов

𑀉 ya 𑀊 ra 𑀋 la 𑀌 va

Знаки для сибилантов

𑀍 śa 𑀎 ṣa 𑀏 sa

Знак для спиранта

𑀐 ha

ФОНОЛОГИЯ

Фонемные инвентари всех рассматриваемых пракритов включают от 32 фонем (махараштри, шаурасени, магадхи) до 22 (чулика-пайшачи⁹).

При описании фонологических систем пракритов целесообразно ввести следующие девять пар дифференциальных признаков: 1) вокальность—невокальность; 2) консонантность—неконсонантность; 3) компактность—некомпактность; 4) диффузность—недиффузность; 5) низкий тон—высокий тон; 6) назальность—неназальность; 7) непрерывность—прерывность; 8) звонкость—глухость; 9) придыхательность—непридыхательность.

Для языков махараштри, шаурасени и магадхи используются все девять дифференциальных признаков. Для чулика-пайшачи — только восемь, поскольку признак «звонкость—глухость» для этого языка несуществен.

Оппозиция «вокальность—невокальность» позволяет противопоставить в махараштри и шаурасени гласные *a*, *i*, *u*, *e*, *o* и плавные *r*, *l* всем остальным фонемам, в магадхи — те же гласные и плавную *l* всем остальным фонемам,

⁹ При описании фонологических систем здесь рассматривается один из наиболее интересных представителей языков типа пайшачи — чулика-пайшачи. Фонологические построения, относящиеся к этому языку, являются реконструкциями на основе древних грамматик Псевдовараручи и Хемачандры.

в чулика-пайшачи — глайды *i(y)*, *u(v)*, гласные *a*, *e*, *o* и плавные *l(r)*, *l* — всем остальным фонемам.

Оппозиция «консонантность—неконсонантность» в первых трех диалектах отличает гласные *a*, *i*, *u*, *e*, *o* от всех согласных фонем, для чулика-пайшачи — гласные *a*, *e*, *o* от глайдов *i(y)*, *u(v)* и согласных.

Оппозиция «компактность—некомпактность»¹⁰ противопоставляет в махараштри и шаурасени компактную фонему *a* некомпактным *e*, *o* (для гласных *i*, *u* этот признак несуществен), а также гуттуральные и палатальные *k*, *kh*, *g*, *gh*, *c*, *ch*, *j*, *jh* — некомпактным церебральным *t*, *th*, *d*, *dh*. В магадхи эта оппозиция релевантна кроме перечисленных фонем еще и для носовых и противопоставляет компактную палатальную фонему *ṇ* некомпактной церебральной *ṇ*. (Для губной носовой *m* этот признак несуществен.) В чулика-пайшачи эта оппозиция имеет значительно меньший объем за счет сокращения числа смычных фонем.

Оппозиция «диффузность—недиффузность» в махараштри и шаурасени отличает диффузные гласные *i*, *u* от недиффузных *a*, *e*, *o*, а также диффузные зубные и губные *t*, *th*, *d*, *dh*, *p*, *ph*, *b*, *bh* — от недиффузных церебральных *t*, *th*, *d*, *dh*. В магадхи эта оппозиция распространяется и на носовые фонемы, противопоставляя недиффузную носовую церебральную *ṇ* диффузной *m*. В чулика-пайшачи по диффузности противопоставлены, кроме того, плавные фонемы: диффузная *l* и недиффузная *l*.

Оппозиция «низкий тон—высокий тон» характерна для гласных и согласных фонем. Среди гласных она иррелевантна для фонемы *a* и противопоставляет нелабиализованные гласные высокой тональности *i*, *e* лабиализованным гласным низкой тональности *o*, *u*. Во всех пракритах эта оппозиция значима для прерывных консонантных фонем и отличает низкие гуттуральные и губные фонемы *k*, *kh*, *g*, *gh*, *p*, *ph*, *b*, *bh* от палатальных, зубных и церебральных: *c*, *ch*, *j*, *jh*, *t*, *th*, *d*, *dh*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*. Среди консонантных фонем чулика-пайшачи по этому признаку противопоставлены *k*, *kh*, *p*, *ph* фонемам *c*, *ch*, *t*, *th*, *ṭ*, *ṭh*. Эта оппозиция охватывает и носовые фонемы. Как низкая тональность высокой в махараштри и шаурасени противопоставлены губная носовая *m* и церебральная *ṇ*, в магадхи — губная *m* — палатальной *ṇ* и церебральной *ṇ*, в чулика-пайшачи — губная *m* — зубной *n* и палатальной *ṇ*. Во всех пракритах, кроме чулика-пайшачи, по этому признаку противопостав-

¹⁰ Расщепление оппозиции «компактность—диффузность» на две: «компактность—некомпактность» и «диффузность—недиффузность» представляется целесообразным, так как позволяет устранить смешанные дифференциальные признаки (обозначаемые как $\pm$) и не вводить лишних признаков для описания церебральных фонем.

лены непрерывные фонемы: в махараштри спиранты *s—v*, в магадхи *ś—v*. Этот признак несуществен для непрерывной фонемы *s* чулика-пайшачи.

Оппозиция «назальность—неназальность» во всех пракритах иррелевантна для гласных фонем. С точки зрения фонетической в пракритах существуют носовые гласные, но на фонологическом уровне их удобнее рассматривать как результат фонетического перекодирования сочетания гласной фонемы с носовой согласной. Впрочем, возможно построение такой фонологической модели, где носовые гласные признаются самостоятельными фонемами, что значительно увеличило бы фонемный инвентарь.

Таким образом, оппозиция «назальность—неназальность» различает сонорные носовые и смычные согласные фонемы. Из назальных фонем во всех пракритах представлены губная фонема низкого тона *m* и одна или две фонемы высокого тона. Во всех пракритах губная носовая *m* противопоставлена губным смычным *p*, *ph*, *b*, *bh*. В махараштри и шаурасени носовая *n* противопоставлена всем остальным смычным и аффрикатам. Носовые согласные: велярный [ŋ], палатальный [ɲ] и зубной [n], встречающиеся в текстах махараштри, не имеют фонемной значимости, так как находятся в дополнительном распределении с церебральным носовым [ŋ]. В магадхи палатальная фонема *ṇ* противопоставлена палатальным аффрикатам *c*, *ch*, *j*, *jh*, а церебральная *n* — церебральным смычным *t*, *th*, *ḍ*, *ḍh*. В чулика-пайшачи палатальная назальная фонема *ṇ* противопоставлена палатальным аффрикатам *c*, *ch*, а зубная *n* — зубным смычным *t*, *th*. Ни в одном пракрите не фонологизирован велярный носовой [ŋ]. Он встречается в качестве аллофона.

Оппозиция «непрерывность—прерывность» во всех пракритах характеризует только консонантные неносовые фонемы. В махараштри и шаурасени непрерывные фонемы *s*, *v* противопоставляются прерывным смычным и аффрикатам *k*, *kh*, *g*, *gh*, *c*, *ch*, *j*, *jh*, *t*, *th*, *ḍ*, *ḍh*, *ṭ*, *ṭh*, *ḍ*, *ḍh*, *p*, *ph*, *b*, *bh*. В магадхи непрерывная *ś* (с аллофонами [s], [ʃ]) противопоставлена всем смычным. В махараштри и шаурасени эта оппозиция служит для различения плавных сонорных фонем: непрерывной *l* и прерывной *r*. Для плавных фонем магадхи и чулика-пайшачи этот признак несуществен, так как магадхи имеет только одну плавную фонему *l*, а чулика-пайшачи — две плавные фонемы *l—l̥*, противопоставленные друг другу как диффузная — недиффузной. В чулика-пайшачи непрерывная *s* противостоит всем смычным и аффрикатам: *k*, *kh*, *c*, *ch*, *t*, *th*, *ṭ*, *ṭh*, *p*, *ph*.

Оппозиция «звонкость—глухость» характеризует консонантные неносовые фонемы махараштри, шаурасени и магадхи. Во всех трех пракритах по признаку «звонкость—

глухость» противопоставлены фонемы: *k—g, kh—gh, c—j, ch—jh, t—d, th—dh, ṭ—ḍ, ṭh—ḍh, p—b, ph—bh*. Для чулика-пайшачи эта оппозиция иррелевантна, так как там вообще отсутствуют звонкие смычные, и фонемы чулика-пайшачи можно описать при помощи восьми признаков.

Оппозиция «придыхательность—непридыхательность» во всех пракритах, кроме чулика-пайшачи, характеризует неносовые прерывные консонантные фонемы: *kh—k, gh—g, ch—c, jh—j, th—t, dh—d, ṭh—ṭ, ḍh—ḍ, ph—p, bh—b*. Оппозиция «придыхательность—непридыхательность» обязательно сочетается с оппозицией «глухость—звонкость», и с помощью этих признаков различаются пять четырехугольных изоморфных структур, которые характерны для фонологических систем древнеиндийских и большинства новоиндийских языков. В пракрите чулика-пайшачи, где отсутствует оппозиция «глухость—звонкость», нет и четырехугольных структур, а есть лишь двоичные противопоставления по придыхательности—непридыхательности: *kh—k, ch—c, ṭh—ṭ, th—t, ph—p*.

Все описанные противопоставления по дифференциальным признакам дают возможность рассматривать каждую фонему любого из пракритов как пучок дифференциальных признаков, причем каждый из указанных признаков может принимать одно значение: или положительное (+), или отрицательное (—), или нулевое (0), когда признак несуществен для отличия данной фонемы от других фонем языка. Результаты описания фонологических систем пракритов представлены в виде матриц идентификации фонем, позволяющих отождествить любую фонему каждого из пракритов, а также сравнивать между собой как отдельные фонемы, так и целые инвентари фонем разных пракритов (см. табл. 1, 3, 4).

Хотя вопрос о фонетическом содержании аффрикат в махараштри нельзя считать решенным, тем не менее при построении фонологической модели махараштри следует учитывать возможность денто-палатального их произношения. А при таком допущении для описания фонологической системы махараштри перечисленных девяти дифференциальных признаков будет недостаточно, так как денто-палатальные *ts̥, tsh̥, dz̥, dz̥h* в этом случае не будут различаться с зубными. Поэтому необходимо будет ввести еще один дифференциальный признак — «церебральность—нецеребральность», по которому будут в этом случае противопоставлены церебральные фонемы *ṭ, ṭh, ḍ, ḍh* зубным *t, th, d, dh*. Этот случай показан в табл. 2.

Для полного фонологического описания пракритов кроме отождествления фонем при помощи дифференциальных признаков следует исследовать и распределение фоноло-

гических единиц в тексте. На основе дистрибутивного анализа фонем пракритов можно определить те ограничения, которые накладываются текстом на сочетания как отдельных фонем, так и целых классов фонем.

В пределах слова во всех пракритах, кроме чулика-пайшачи, распределение фонем в целом подчиняется одним и тем же законам. В начале слова возможны любые гласные или согласные фонемы¹¹. В конце слова допустимы только гласные и носовая фонема *m*, следующая за гласной. В середине слова во всех пракритах, кроме чулика-пайшачи, единично допустимы любые гласные и носовые согласные фонемы: в махараштри и шаурасени — *n*, *m*, в магадхи — *ñ*, *n*, *m*, а также плавные: в махараштри и шаурасени — *r*, *l*, в магадхи — *l* и спиранты: в махараштри и шаурасени — *s*, *v*, в магадхи — *s*, *v* и фонема *h*.

Из смычных фонем во всех пракритах, кроме чулика-пайшачи, в середине слова единично недопустимы никакие глухие смычные. В этой же позиции из звонких смычных допустимы церебральные *ḍ*, *ḍh*; в магадхи и шаурасени, кроме церебральных, зубные *d*, *dh*, которые фонетически представляют собой фрикативные [ḍ], [ḍh]. Они являются результатом нейтрализации оппозиции «глухость—звонкость» в интервокальной позиции. Фонологически их можно было бы считать и самостоятельными фрикативными фонемами *ḍ*, *ḍh*, противопоставленными в интервокальной позиции прерывным *d*, *dh*, а признак звонкости считать для них несущественным. Однако с фонологической точки зрения более целесообразным представляется отождествить единичные интервокальные спиранты [ḍ], [ḍh] с одной из фонем в сильной позиции, т. е. и спиранты [ḍ], [ḍh] и смычные [*d*], [*dh*] идентифицировать со звонкими смычными фонемами, противопоставленными глухим в сильной позиции (например, в начале слова).

В пракрите махараштри, который в отношении процесса ослабления артикуляции интервокальных, занимает крайнюю позицию, т. е. находится в стадии падения ослабленных интервокальных фрикативных, в середине слова допустимы единично лишь звонкие церебральные *ḍ*, *ḍh*.

Процесс ослабления артикуляции интервокальных смычных существенно повлиял на структуру слова в пракритах, что сказалось в первую очередь на соотношении гласных и согласных фонем в тексте (в отличие, например, от раннесреднеиндийского периода) и на особой роли дистрибутивного класса гласных фонем. При относительно

¹¹ Отсутствие некоторых фонем в начальной позиции в магадхи, по-видимому, является случайным. Эти пропуски не относятся к классам фонем и связаны с относительно малым количеством текстов магадхи по сравнению с другими пракритами.

Матрица идентификации
(первое)

Фонемы Дифференциальные признаки	a	i	u	e	o	r	l	ŋ	m	v	s	h	k
1. Вокальность — невокальность	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—
2. Консонантность — неконсонантность	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Компактность — некомпактность	+	0	0	—	—	0	0	0	0	0	0	0	+
4. Диффузность — недиффузность	—	+	+	—	—	0	0	0	0	0	0	0	0
5. Низкий тон — высокий тон	0	—	+	—	+	0	0	—	+	+	—	0	+
6. Назальность — неназальность	0	0	0	0	0	0	0	+	+	0	0	0	—
7. Непрерывность — прерывность	0	0	0	0	0	—	+	0	0	+	+	0	—
8. Звонкость — глухость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—
9. Придыхательность — непридыхательность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—

Матрица идентификации
(второе)

Фонемы Дифференциальные признаки	a	i	u	e	o	r	l	ŋ	m	v	s	h	k	kh
1. Вокальность — невокальность	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—
2. Консонантность — неконсонантность	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Компактность — некомпактность	+	0	0	—	—	0	0	0	0	0	0	0	+	+
4. Диффузность — недиффузность	—	+	+	—	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0
5. Низкий тон — высокий тон	0	—	+	—	+	0	0	—	+	+	—	0	+	+
6. Назальность — неназальность	0	0	0	0	0	0	0	+	+	0	0	0	—	—
7. Непрерывность — прерывность	0	0	0	0	0	—	+	0	0	+	+	0	—	—
8. Звонкость — глухость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—
9. Придыхательность — непридыхательность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+
10. Церебральность — нецеребральность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Таблица 1

фонем махараштри
описание)

<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>c</i>	<i>ch</i>	<i>j</i>	<i>jh</i>	<i>ṭ</i>	<i>ṭh</i>	<i>ḍ</i>	<i>ḍh</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+
+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+

Таблица 2

фонем махараштри
описание)

<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>ṭ</i>	<i>ṭh</i>	<i>ḍ</i>	<i>ḍh</i>	<i>ṭṣ</i>	<i>ṭṣh</i>	<i>ḍz</i>	<i>ḍzh</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>	<i>dh</i>	<i>p</i>	<i>ph</i>	<i>b</i>	<i>bh</i>
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
+	+	+	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	—	—	—	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+
—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
0	0	+	+	+	+	0	0	0	0	—	—	—	—	0	0	0	0

Фонемы Дифференциальные признаки	<i>a</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>l</i>	<i>ñ</i>	<i>ŋ</i>	<i>m</i>	<i>v</i>	<i>ś(s, ṣ)</i>	<i>h</i>	<i>k</i>
1. Вокальность — невокальность	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—
2. Консонантность — неконсонантность	—	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Компактность — некомпактность	+	0	0	—	—	0	+	—	0	0	0	0	+
4. Диффузность — недиффузность	—	+	+	—	—	0	0	—	+	0	0	0	0
5. Низкий тон — высокий тон	0	—	+	—	+	0	—	—	+	+	—	0	+
6. Назальность — неназальность	0	0	0	0	0	0	+	+	+	0	0	0	—
7. Непрерывность — прерывность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	+	0	—
8. Звонкость — глухость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—
9. Придыхательность — непридыхательность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—

низком процентном содержании гласных фонем (около 15%) в фонемном инвентаре в махараштри наблюдается очень высокий процент гласных (около 50%) в тексте. Характерно, что в пракритах на сочетания гласных фонем между собой не наложено никаких ограничений, но свободно допускаются двоичные, троичные и даже четверичные последовательности гласных фонем, например: *mxr.¹² uaa* 'вода', *vioa* 'разделение', *saaat* 'всегда', *aaa* 'пришедший', *tauuaae* 'он тревожится'.

Такие возможности сочетаемости гласных фонем можно сравнить с подобной свободой их сочетаний в таитянском языке или в языке населения Маркизских островов, где имеется тот же состав гласных, что и в пракритах.

В пракритах такая система сложилась в результате последовательных процессов озвончения, спонантизации и выпадения интервокальных смычных.

Что касается сочетаний согласных фонем, то возможности их весьма ограничены. В начале и в конце слова

¹² В данном очерке приняты следующие сокращения названий пракритов: *mxr.* — махараштри, *mg.* — магадхи, *shr.* — шаурасени, *ps.* — пайшачи.

фонем магадхи

kh	g	gh	c	ch	j	jh	t	th	d	dh	t	th	d	dh	p	ph	b	bh
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	0	0	0	0	0	0	0	0
0	0	0	0	0	0	0	—	—	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+
+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+
+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+

никакие последовательности согласных фонем недопустимы. Они встречаются только в середине слова. В этом случае возможны только сочетания, состоящие из двух согласных. Такими последовательностями в махараштри и шаурацени могут быть следующие:

1) геминаты, т. е. последовательности из двух одинаковых согласных фонем. Геминированными могут быть все непридыхательные смычные, т. е. *k, g, c, j, t, d, t, d, p, b* (мхр. *dhutta* 'обманщик', *mudda* 'знак'); все носовые фонемы (мхр. *kamma* 'карма', *jaṇṇa* 'собрание людей'); плавная *l* (шр. *kalla* 'счастливый', 'здоровый'); фрикативные *v, s* (мхр. *kavvāla* 'дом', *vassa* 'подчиненный').

В магадхи геминированными могут быть те же виды фонем и фрикативная *ś*: *aśśa* — род. п. от личного мест. 3-го л. ед. ч., ср. мхр. *assa*;

2) последовательности из двух смычных фонем: неаспирированной и аспирированной того же места образования, т. е. *kkh, ggh, cch, jjh, tth, dḍh, tth, ddh, pph, bbh*: мхр. *uddha* 'верхний', *maccha* 'рыба', *muṭṭhia* 'ювелир';

3) последовательности из носовой и смычной фонемы того же места образования, т. е. *nk, nkh, ng, ngh, nc, nch*,

Матрица идентификации фонем чулика-пайшачи
(реконструкция на основе грамматик Вараручи и Хемачандры)

Фонемы Дифференциальные признаки																						
	<i>a</i>	<i>i(y)</i>	<i>u(v)</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>l(r)</i>	<i>ɭ</i>	<i>ŋ</i>	<i>ñ</i>	<i>m</i>	<i>s</i>	<i>h</i>	<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>c</i>	<i>ch</i>	<i>t̪</i>	<i>t̪h</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>p</i>	<i>ph</i>
1. Вокальность — не-вокальность	+	—	—	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Консонантность — неконсонантность	—	—	—	—	—	+	+	+	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Компактность — не-компактность	+	—	—	+	+	0	0	0	+	0	0	0	+	+	+	+	—	—	0	0	0	0
4. Диффузность — не-диффузность	—	+	+	—	—	+	—	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	—	+	+	+	+
5. Низкий тон — высокий тон	0	—	+	—	+	0	0	—	—	+	0	0	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+
6. Назальность — не-назальность	0	0	0	0	0	0	0	+	+	+	0	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7. Непрерывность — прерывность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	+	0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8. Придыхательность — непридыхательность	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+

nj, njh, nt, nth, nd, ndh, nt, nth, nd, ndh, mp, mph, mb, mbh: мхр. *anga* 'тело', *jampiam* 'речь', *pianto* 'пьющий', *pankaa* 'лотос';

4) последовательности из носовой фонемы (*m, n*) или плавной *l* и спиранта *h*, т. е. *mh, nh, lh*: мхр. *gimha* 'лето', *donha* 'двое', *kulha* 'шакал', *nhāna* 'плавание';

5) последовательности из носовой *m* и спирантов *v* или *s*: мхр. *vamsa* 'поколение', *kaṃva* 'возлюбленная', *ham-sa* 'гусь', *kudumva* 'семья'.

В магадхи кроме этих последовательностей в середине слова допустимы сочетания, состоящие из сибиланта *ś* в качестве первого элемента и глухой смычной фонемы, аспирированной или неаспирированной, в качестве второго элемента, т. е. *śk, śkh, śc, śch, śt, śth, śt, śt, śp, śph*: *pośkalini* 'лотосовый пруд', *niśphala* 'бесплодный', *maśca* 'рыба'.

При этом следует заметить, что в магадхи фонетически представлены три сибиланта: [ś], [ʃ], [s]. Но сибилант [s] обычно встречается перед гуттуральными, зубными и губными: *paskhaladi* 'он колеблет', *śaspa* 'молодая трава', *hasti* 'слон'; [ʃ] — только перед церебральными: *ciṣṭha* 'стой'; палатальный [ś] кроме того, что он может стоять перед палатальными (*gaśca* 'иди', *puścande* 'спрашивающий'), допустим также в начале слова: *śiala* 'шакал', интервокально — *liśi* 'мудрец', геминированно — *manuśśa* 'человек', после носовых — *tamśa* 'мясо'.

Таким образом, непрерывная палатальная *ś* находится в дополнительном распределении с [ʃ] и [s]. Поэтому сегменты *ʃ* и *s* следует считать аллофонами непрерывной фонемы *ś*.

Что касается сочетаний гласных и согласных фонем, т. е. последовательностей типа VC и CV, то в последовательности CV в качестве первого элемента может быть любая согласная, а в качестве второго — любая гласная. В последовательности типа VC в качестве первого элемента возможна любая гласная фонема, а в качестве второго элемента во всех пракритах, кроме чулика-пайшачи, допустимы только носовые плавные и спиранты, а также некоторые смычные фонемы. Для махараштри: *k, g, c, j, t, d, dh, t, d, p, b*, т. е. в махараштри допустимы последовательности типа: *ak, ag, ac, aj, at, ad, adh, at, ad, ap, ab*; недопустимы: *akh, agh, ach, ajh, ath, adh, aph, apb*. В шаурасени число возможных последовательностей типа VC увеличивается добавлением последовательности типа *adh*. В магадхи к последовательностям, допустимым в шаурасени, следует добавить *añ*.

Дистрибутивные возможности фонем в пределах слова в пракритах махараштри, шаурасени и магадхи показаны

	<i>a</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>c</i>	<i>ch</i>	<i>j</i>	<i>jh</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>q</i>
<i>a</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>i</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>u</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>e</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>o</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>k</i>	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>kh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>g</i>	+	+	+	+	+	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—
<i>gh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>c</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—
<i>ch</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>j</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—
<i>ja</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>t</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—
<i>th</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>q</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
<i>qh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>t</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>th</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>d</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>dh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>p</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>ph</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>b</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>bh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>n</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>m</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>r</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>l</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>s</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>v</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>h</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>#</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

[illegible]

	<i>a</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>c</i>	<i>ch</i>	<i>j</i>	<i>jh</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>ḍ</i>
<i>a</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>j</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>u</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>e</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>o</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>k</i>	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>kh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>g</i>	+	+	+	+	+	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—
<i>gh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>c</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—
<i>ch</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>j</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—
<i>jh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>t</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—
<i>th</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>ḍ</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
<i>ḍh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>t</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>th</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>d</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>dh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>p</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>ph</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>b</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>bh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>ṇ</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
<i>m</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>r</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>l</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>s</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>v</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>h</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>#</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

	<i>a</i>	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>k</i>	<i>kh</i>	<i>g</i>	<i>gh</i>	<i>c</i>	<i>ch</i>	<i>j</i>	<i>jh</i>	<i>t</i>	<i>th</i>	<i>d</i>
<i>a</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>i</i>	+	+	+	+	+	+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>u</i>	+	+		+		+	—	+	—	+	—	+	—	+	—	+
<i>e</i>	+		+			+	—	+	—	+	—		—	+	—	+
<i>o</i>	+		+	+	+	+	—	+	—		—		—	+	—	+
<i>k</i>	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>kh</i>	+	+	+	+	+	—	—		—	—	—	—	—	—	—	—
<i>g</i>	+	+	+	+	+	—	—	+	+	—	—	—	—	—	—	—
<i>gh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>c</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	+	+	—	—	—	—	—
<i>ch</i>	+	+		+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>j</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	—
<i>jh</i>	+	+	+			—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>t</i>	+	+		+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—
<i>th</i>	+	+	+	+		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>d</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+
<i>dh</i>	+		+	+		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>t</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>th</i>	+	+	+		+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>d</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>dh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>p</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>ph</i>	+		+	+		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>b</i>	+	+	+	+		—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>bh</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>ñ</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	+		+	+	—	—	—
<i>ṇ</i>	+	+	+	+	+	+	+	+		—	—	—	—	+	+	+
<i>m</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>l</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>ś</i>	+	+	+	+	+	+	+	—	—	+	+	—	—	+	+	—
<i>v</i>	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>h</i>	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>ḥ</i>	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

[illegible]

в приведенных выше таблицах (см. табл. 5—7). В вертикальном ряду указан предшествующий элемент сочетания, в горизонтальном — последующий; знак плюс свидетельствует о наличии сочетания, знак минус — о запрете сочетания по правилам дистрибуции, пробел — об отсутствии сочетания в исследованных текстах.

Значительный интерес представляет сравнение дистрибутивного анализа фонем с теми ограничениями их употребительности, которые проявляются в их частотных характеристиках. Среди гласных фонем статистически преобладает фонема *a* (29%) по сравнению с остальными гласными (2,5—10%). Среди согласных употребительность фонем обратно пропорциональна ограничениям в распределении. Так, наиболее употребительны из согласных носовые фонемы (*ŋ*, 7,5—7,8%), спиранты *s*, *v* (4—7,9%) и *h* (3,9%). Затем идут плавные (2,3—2,8%). После плавных выделяется класс неаспирированных смычных (0,7—3%), из которых наиболее употребительны фонемы *p*, *t*, *k*, наименее — *ʈ*, *b*. На последнем месте по употребительности стоят аспирированные смычные (0,1—0,5%). Такова же приблизительно последовательность классов фонем, выделенных на основе их дистрибутивных возможностей (см. табл. 8).

Описывая дистрибуцию фонем пракритов, следует обратить внимание на те явления, которые ограничивают независимость единиц в звуковой цепи. Это проявляется глав-

Таблица 8

Частоты фонем махараштри

Фонемы	Число	Процент	Фонемы	Число	Процент
<i>a</i>	2269	29,3	<i>d</i>	154	1,5
<i>i</i>	1049	10,3	<i>g</i>	136	1,3
<i>ɳ</i>	798	7,9	<i>c</i>	94	0,9
<i>m</i>	765	7,3	<i>ɟ</i>	71	0,7
<i>s</i>	501	4,9	<i>ch</i>	54	0,5
<i>u</i>	411	4	<i>bh</i>	41	0,4
<i>v</i>	406	4	<i>dh</i>	40	0,4
<i>h</i>	395	3,9	<i>ʈh</i>	35	0,3
<i>e</i>	336	3,3	<i>kh</i>	32	0,3
<i>t</i>	323	3,2	<i>ʈ</i>	31	0,3
<i>r</i>	287	2,9	<i>b</i>	18	0,2
<i>o</i>	252	2,5	<i>th</i>	18	0,2
<i>p</i>	234	2,3	<i>jh</i>	18	0,2
<i>l</i>	231	2,3	<i>ɟh</i>	18	0,2
<i>k</i>	211	2,1	<i>gh</i>	17	0,2
<i>j</i>	187	1,2	<i>ph</i>	11	0,1
			32	10149	100%

ным образом в сандхи на стыке слов и морфем. Однако надо заметить, что в отличие от раннесреднеиндийского периода сандхи в пракритах почти никогда не служит указателем границ слов.

Сандхи распространяется в пракритах только на гласные фонемы. Особенность этого явления заключается в том, что на стыках слов в большинстве случаев наряду с сандхи может встречаться последовательность фонетически неперекодированных звуков. По-видимому, это связано с тем, что в пракритах внутри слова возможность сочетаний гласных фонем ничем не ограничена. Поэтому и на стыках слов боязнь избежать последовательности двух гласных не столь велика и является лишь наследием фонологической системы предшествующего периода.

Правила сандхи в пракритах сводятся в основном к следующему:

1. Две гласные фонемы с одинаковым набором дифференциальных признаков перекодируются в одну фонему с тем же набором дифференциальных признаков (краткую в закрытом слоге, краткую или долгую — в открытом), т. е.

$$a+a>a; i+i>i; u+u>u$$

(сочетания $e+e$ и $o+o$ в текстах не встречаются), например:

мхр. $kaa+avarāha>kaavarāha$; $uddha+accha>ud-dhāccha$, $kai+inda>kainda$; шр. $jamma+antare>jammantare$, $na+atthi>natthi$.

Однако в текстах встречается много случаев, где гласные с одинаковым набором признаков на стыке слов не подвергаются перекодированию, например:

мхр. $piā+ahara>piāahara$, $dhavala+amsua>dha-valaamsua$; шр. $aggisarana+ālindaa>aggisaranaā-lindaa$.

2. При встрече двух гласных с различным набором дифференциальных признаков могут быть три вида сандхи.

(а) Гласная фонема a в сочетании с гласными i , u перекодируется соответственно в e , o , т. е.

$$a+i>e; a+u>o$$

мхр., шр. $rāā+isi>raesi$; мр. $sāma+uaa>sāmoaa$.

Этот вид сандхи не имеет широкого распространения в пракритах. Он является пережитком старой системы и не допускает вариантов только на стыке некоторых морфем (особенно в парадигме склонения), например:

мхр. $pañca+isu>pañcesu$; мр. $putta+ihi>puttehi$.

В большинстве случаев при встрече названных фонем или остается сочетание неперекодированных гласных: шр. $vasanta+ussava+ivāṇa>vasantaussavaivāṇa$, или происходит перекодирование по типу (б), приводимому ниже.

(б) Гласная фонема *a* при встрече с любой гласной перекодируется в эту гласную, т. е.

$a+i>i$; $a+u>u$; $a+e>e$; $a+o>o$

шр. *pavada+īsara>pavadīsara*; мг. *ṇaha+uppa-la>ṇahuppala*, *kaa+ūsāsa>kaūsāsa*; мхр. *nava+elā>navela*, *kuṣuma+otthaa>kuṣumotthaa*, *jāla+oli>jāloli*.

Возможность перекодирования по типу $a+i>i$ или $a+i>e$ строго не предсказуема, но в подавляющем большинстве случаев перекодирование в одну из исходных фонем наблюдается, если во втором компоненте сложного слова после гласных *i*, *u* следует сочетание согласных или если *a*, *i*, *u* обладают долготой, например:

ср. мхр. *gaa+inda>gainda*, но *rāā+isi>rāesi*.

(в) При встрече любой фонемы с гласной *a* перекодирование происходит в эту фонему, но не в *a*. Этот случай практически сводится к двум видам сандхи, т. е.

$e+a>e$; $o+a>o$

мг. *śnāde+aham>śnādeham*, мхр. *pio+ajja>piojja*.

При сочетаниях $i+a$ и $u+a$ перекодирования не происходит; например:

мхр. *rattī+andhaa>rattīandhaa*, *sanjhāvahu+avaūḍha>sanjhāvahuavaūḍha*.

Таким образом, из многочисленных видов сандхи, известных в более ранний период истории индийских языков, в пракритах сохраняется только случай 2а как остаток старой системы, имеющий отношение преимущественно к употреблению на стыке морфем. Все остальные виды сандхи могут быть описаны как разновидности элизии одной из встречающихся гласных фонем.

Параллельно сокращению дистрибутивных возможностей фонем внутри слова и почти безграничному росту омонимии, являющимся следствием различных фонетических процессов, происходивших в среднеиндийский период, в пракритах наблюдается значительное увеличение разграничительных средств, главным образом словоразграничивающих и отчасти — морфеморазграничивающих.

В диалектах шаурасени и магадхи, где произошло озвончение и частичное выпадение интервокальных смычных, все глухие смычные, т. е. *k*, *kh*, *c*, *ch*, *ṭ*, *ṭh*, *t*, *th*, *p*, *ph*, и звонкие, т. е. *g*, *gh*, *j*, *jh*, *b*, *bh*, являются фонологическим сигналом начала слова, например:

мг. *dhuvādiga* 'постоянная песня', *vajjhapuliṣa* 'человек, который должен быть убит', *ajjacaludatta* 'почтенный Чарудатта', *piṣpakalaṇḍaa* 'корзина цве-

тов'; шр. *pāuḍabandhe pauṭṭo kaī* 'поэт создал сочинение на пракрите'.

В махараштри, где внутри слова произошло полное выпадение единичных интервокальных смычных. кроме звонких церебральных *d*, *dh*, и где различительные возможности в пределах слова наиболее ограничены (по сравнению с остальными пракритами). все единичные смычные (кроме звонких церебральных), т. е. *k*, *kh*, *g*, *gh*, *c*, *ch*, *j*, *jh*, *t*, *th*, *d*, *dh*, *p*, *ph*, *b*, *bh*, являются фонологическим сигналом начала слова, например:

piṇṇimacando 'полная луна', *pañcadiāhaim* 'пять дней', *pāuakavva* 'праkritская поэзия', *pauṭṭhadaia* 'уехавший возлюбленный', *candadhavala* 'белая от луны', *nimbaphalaim* 'плоды нимба', *piajampiaim* 'приятные беседы'.

Во всех пракритах перечисленные пограничные сигналы выделяют как отдельные слова, так и компоненты сложных слов, например: мхр. *parimalataraliabhamaralipaiṇṇakamala* 'цветок лотоса, усыпанный роем пчел, [привлеченных] испускаемым [им] ароматом'. В этом сложном слове легко можно выделить пять простых слов, из которых оно составлено. Все границы этих слов отмечены единичными смычными фонемами.

Такое четкое выделение границ слов наблюдается не во всех случаях, если слово начинается смычным. Иногда на стыке двух компонентов сложного слова могут выступать геминаты или сочетания неаспирированного смычного с аспирированным, которые распределяются по двум слогам. С точки зрения диахронической это бывает там, где в древнеиндийском языке слово начиналось группой согласных (обычно имеющей в составе фонему *r*). В этих случаях в пракритах слово оказывается не отмеченным пограничным сигналом, например:

мхр. *kaṇṭhabbhattha kaṇṭhiā* 'упавшее с шеи ожерелье', шр. *ṇattappaṭṭo* 'начавшееся действие (драмы)', мг. *śappuliśa* 'добрый человек', мхр. *dukkhasaṇakkhamo* 'способный перенести горе'.

В качестве морфеморазграничивающего средства роль пограничных сигналов невелика. Во всех пракритах перечисленные для каждого (в качестве сигналов) смычные фонемы могут служить для отделения префиксальных морфем, указывая положительно на границу корневой морфемы, например:

мхр. *vipatti* 'несчастье', шр. *akaṇḍa* 'неожиданный', мг. *akadhida* 'несказанный', но ср. мхр. *vipriā* 'неприятный'.

В одном только пракрите — магадхи — есть фонологический сигнал для выделения суффиксальной морфемы. В ма-

гадхи, где интервокально недопустимы никакие глухие смычные, глухая смычная *k* кроме указания на начало слова служит для выделения очень продуктивной суффиксальной морфемы *-ka*, например:

maduka 'сладкий', ср. шр. *madua*, мхр. *maua*;
kaṇṇaka 'девушка', ср. шр. *kaṇṇaa*; *maṇuśśaka* 'человек', ср. мхр. *maṇussa*; *śuṇḍikāgāla* 'винная лавка'.

Ударение в пракритских текстах не фиксируется. Однако некоторые заключения о характере ударения все же можно сделать. В отличие от древнеиндийских языков, где ударение было музыкальным, в пракритах ударение имеет экспираторный характер. Слово обычно имеет одно ударение, которое может стоять на любом слоге. Не имеют ударения энклитические частицы (*vi*, *ni*) и краткие формы местоимений (*me*, *se*).

Идеальной моделью слога в пракритах является трехчленная структура CVC, в которой на первом месте может находиться любая согласная фонема, на втором — любая гласная (но обязательно краткая), а на третьем — согласная, причем только такая, которая способна быть геминированной, т. е. смычная неаспирированная, фрикативная *v* или *s* и плавная *l*. Остальные фонемы недопустимы в исходе слога.

Эта модель слога имеет следующие разновидности: VC, CV и V.

Слоги CVC и VC, т. е. закрытые, могут находиться в начале и в середине слова¹³. Преобладающими в пракритах являются открытые слоги CV и V. В махараштри нередки слова, состоящие из слогов типа V при начальном слоге CV, например: *viōa* 'разлука', *rāua* 'праkrit'.

Так же как в раннесреднеиндийский период, в пракритах обычно действует так называемый закон двух мор, т. е. если в пракритском слоге есть долгая гласная фонема или краткая гласная, за которой следуют две согласные, то такой слог имеет две моры.

Однако в метрических текстах махараштри гласные фонемы *e*, *o*, которые обычно являются долгими в открытом слоге и краткими — в закрытом, часто выступают как краткие и в открытых слогах.

¹³ Закрытые слоги возможны в конце слова только в тех случаях, когда в качестве последней фонемы выступает анусвара.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ

Грамматический класс имени объединяет в пракритах следующие подклассы: существительные, местоимения, прилагательные и числительные. Класс имени характеризуется тремя пересекающимися грамматическими категориями, обязательными почти для всех подклассов: категорией рода, категорией числа и категорией падежа.

Категория рода распространяется в пракритах на все именные подклассы, кроме личных местоимений, и выражается противопоставлением трех граммем: мужского, женского и среднего рода. Эти граммы противопоставлены друг другу по двум дифференциальным признакам: феминальности—нефеминальности и одушевленности—неодушевленности. По первому признаку противопоставляются мужской и средний род женскому, по второму—мужской и женский среднему (см. табл. 9).

Таблица 9

Граммемы рода

Род Дифференциаль- ные признаки	Муж- ской	Жен- ский	Сред- ний
Феминальность — не- феминальность	—	+	—
Одушевленность — не- одушевленность	+	+	0

Однако эти родовые противопоставления значимы лишь в той мере, в какой пракриты сохраняют в пределах данной категории систему раннесреднеиндийского периода. Новые тенденции, наметившиеся в пракритах, вели к постепенному стиранию родовых противопоставлений. Это проявилось в первую очередь в ослаблении оппозиции по признакам одушевленности—неодушевленности и привело к многочисленным случаям смешения и колебаний в выборе флексий для одного слова. Такие колебания отмечены между флексией мужского и флексией среднего рода, с одной стороны, и между флексией женского и флексией среднего рода—с другой. Так, в махараштри можно встретить такие дублеты:

m.¹⁴

n.

<i>kaṃto</i>	<i>kaṃtaṃ</i>	‘дело’
<i>peṃto</i>	<i>peṃtaṃ</i>	‘любовь’
<i>khaggo</i>	<i>khaggaṃ</i>	‘меч’

Это же явление наблюдается и в шаурасени:

m.

n.

<i>hiao</i>	<i>hiaaṃ</i>	‘сердце’
<i>pabhado</i>	<i>pabhadam</i>	‘утро’
<i>paṇaṇaṇo</i>	<i>paṇaṇaṇam</i>	‘повозка’

Для женского и среднего рода в магадхи встречаются такие дублиеты:

f.

n.

<i>acchī</i>	<i>acchaṃ</i>	‘глаз’
<i>puṭṭhī</i>	<i>puṭṭhaṃ</i>	‘спина’

Для магадхи характерно, что многие имена, которые в других пракритах относятся к среднему роду, в этом пракрите принадлежат к мужскому, например: мг. m. *saṃte* ‘шкура’, ср. мхр. n. *saṃtaṃ*; сюда же относятся мг. *diṇḍalae* ‘дверь’, *cīvale* ‘чивара’, *śohide* ‘удовлетворенье’ и др.

Характерно, что подобных колебаний в выборе флексии никогда не бывает между мужским и женским родом.

Колебания в выборе родовых флексий у одного и того же слова встречаются и во множественном числе, где у имен мужского и женского рода нередко встречается флексия среднего рода, например:

¹⁴ В данном очерке приняты следующие условные сокращения:

- Abl. — аблатив, или отложительный падеж (ablativus)
- Acc. — аккузатив, или винительный падеж (accusativus)
- f. — женский род (femininum)
- Fut. — будущее время (futurum)
- Gen. — генитив, или родительный падеж (genitivus)
- Imp. — императив, или повелительное наклонение (imperativus)
- Ind. — индикатив, или изъявительное наклонение (indicativus)
- Instr. — инструментальный (творительный) падеж (instrumentalis)
- Loc. — локатив, или местный падеж (locativus)
- m. — мужской род (masculinum)
- n. — средний род (neutrum)
- N. — имя
- Nom. — номинатив, или именительный падеж (nominativus)
- Opt. — желательное наклонение (optativus)
- pl. — множественное число (pluralis)
- Pr. — настоящее время (praesens)
- sg. — единственное число (singularis)
- V_{abs.} — абсолютив (absolutivus)
- V_{fin.} — глагол в личной форме
- V_{inf.} — глагол в неличной форме

шр. *guṇaiṃ* — Nom.-Acc. pl. от *guṇa* 'свойство' наряду с *guṇā* и *guṇe*; ср. также мхр. *kaṇṇaiṃ* 'уши', *devaiṃ* 'боги'; мг. *dantaiṃ* 'зубы', *gṛṇaiṃ* 'быки'.

В плане выражения противопоставления типов основ не имеют первостепенного значения для граммем рода. Исключение составляют основы на *-a*, где *-ā* характеризует женский род, *-a* — мужской. Основы на *-i*, *-ī*, *-u*, *-ū* могут характеризовать как мужской, так и женский род. Таким образом, основы имени в пракритах в большинстве случаев не служат формальным показателем рода.

Противопоставления граммем рода выражаются главным образом типом флексии. При этом граммема женского рода во всех типах склонения имеет флексии, отличные от мужского и среднего. Граммема среднего рода отличается от граммемы мужского рода только флексиями именительного и винительного падежей.

Противопоставления граммем рода могут нейтрализоваться в различных падежах именной парадигмы. В результате этого в некоторых падежах осуществляются только двучленные родовые противопоставления: м., ф.—п.; м., п.—ф., а в некоторых нейтрализуется противопоставление всех родовых различий. При этом следует заметить, что отложительный падеж во всех пракритах является таким падежом, где формально меньше всего выражены противопоставления по родам (см. табл. 10).

Таблица 10

Нейтрализация противопоставлений граммем рода

Падеж	Число, род					
	Единственное			Множественное		
	м., ф.	м., п.	м., ф., п.	м., ф.	м., п.	м., ф., п.
Именительный	-ī, -ā		-i, -u	-ā, -o/-u		
Винительный	-ṃ			-o/-u		
Творительный	-eṇa/-eṇaṃ, -ṇa			-ehi/-ehiṃ -hi/-hiṃ		
Отложительный	-hi/-hiṃ, -hiṃto, -ṇo		-o/-u, -ā	-hiṃto, -suṃto	-ehiṃ, ehiṃto, -o	
Родительный	-ssa, -ṇo			-ṇa/-ṇaṃ		
Местный	-mmi		-i	-esu/-esuṃ, -su/-suṃ		

Нейтрализация противопоставлений граммем числа

Падеж Число	Имени- тельный	Вини- тельный	Твори- тельный	Отложи- тельный	Роди- тельный	Местный
Единственное, множествен- ное	-ī, -ā, -ā			-o, -ihimto, -isumto		

Категория числа охватывает все подклассы класса имени, за исключением личных местоимений и количественных числительных. Эта категория образуется противопоставлением двух граммем: граммемы единственного числа и граммемы множественного числа.

При этом надо заметить, что для поэтических текстов пракрита махараштри сфера употребления граммемы множественного числа шире, чем граммемы единственного. Множественное число в махараштри часто употребляется в значении единственного, как, например: *ettha nīhiāim taññe hīāāim piṇo na labbhanti* (Н., 154) 'Мне кажется, что сюда положенное сердце (букв. сердца) обратно не возвращается'.

Когда говорится о себе или от своего имени, в стихах махараштри всегда употребляется 1-е лицо множественного числа вместо единственного, например: *lehammikiṃ lihimō* (Н., 154) 'Что я напишу (букв. мы напишем) в письме?'.

Формальное различие между единственным и множественным числом устраняется в некоторых падежах именной парадигмы (см. табл. 11). В махараштри примером такой нейтрализации оппозиции граммем числа может служить форма именительного падежа существительных с основой на -ā, -ī, -ū (в одной из дублетных форм): *paī* 'господин', *maññī* 'гнев', *soṇhā* 'сноха', 'невестка'. Эти же формы употребляются в значении множественного числа.

Противопоставление по числу нейтрализуется и в отложительном падеже в случае имен с основой на -ā, -ī, -ū, где и для единственного и для множественного числа употребляются соответственно формы: *paīo*, *paīhimto*; *maññō*, *maññihimto*; *soṇhāo*.

Категория падежа образуется во всех пракритах противопоставлением шести граммем: именительного падежа, винительного, родительного, творительного, отложительного и местного. Противопоставления этих граммем можно описать в терминах трех пар различительных признаков:

направленности—ненаправленности, объемности—необъемности, периферийности—непериферийности.

Признак направленности отличает выражающие направление падежи: винительный, отложительный и местный от ненаправленных: именительного, родительного, творительного. По признаку «объемность—необъемность» родительный, отложительный и местный падежи отличаются от именительного, винительного, творительного. Признак периферийности объединяет группу конкретных падежей: творительного и местного (для отложительного этот признак несуществен) и противопоставляет их непериферийным падежам: именительному, винительному, родительному (см. табл. 12).

От граммем падежей следует отличать так называемую звательную форму. Ее кажущаяся направленность имеет иное функциональное значение: обращенность на участника акта коммуникации. Поэтому звательная форма противопоставлена не каким-либо определенным падежам, а всей падежной системе в целом и должна рассматриваться отдельно.

Основные варианты значений падежей, зависящие от контекста, с относительной полнотой могут быть описаны лишь для махараштри.

Именительный падеж в махараштри имеет следующие значения: субъекта — *gāto tujjha kae taṇṇāi* (Н., 30) 'Деревня из-за тебя сохнет'; предиката (в его именной части) — *sā vallahā tujjha* (Н., 511) 'Она — твоя возлюбленная', *tungo ssa hoi maṇo maṇaṃsiṇo* (Н., 284) 'Ум мудрого возвышен'.

Винительный падеж имеет следующие значения: прямого объекта — *puriso haṇai kajjaṃ* (Н., 214) 'Человек губит дело'; косвенного объекта — *kiṃ bhaṇaṇa maṃ saḥo* (Н., 619) 'Зачем говорите мне, подруги?'.

Таблица 12

Граммемы падежа

Падеж Дифференциальные признаки	Именительный	Винительный	Родительный	Творительный	Отложительный	Местный
Направленность—ненаправленность	—	+	—	—	+	+
Объемность—необъемность	—	—	+	—	+	+
Периферийность—непериферийность	—	—	—	+	0	+

Для творительного падежа характерны следующие значения: орудия или средства действия (в прямом и в переносном смысле)—*acchiim chaissam dohim vi hatthehim* (Н., 312) 'Я закрою глаза обеими руками', *dumei hiaam bhaniehim* (Н., 565) 'Он печалит сердце речами'; социативности (в этом значении творительный падеж чаще употребляется с послелогом *samaṭ, saha*)—*pūreṇa samaṭ vahai kāi* (Н., 103) 'Вместе с потоком скользит ворона', *hiaaṇ-ṇehim samaaṭ kajjāi suhāventi* (Н., 181) 'Дела со знающим сердце доставляют радость' [в этом же значении творительный падеж употребляется в очень распространенной в махараштри конструкции с вопросительным словом *kim*: *kim daddhamāṇeṇa* (Н., 309) 'К чему [эта] сжигающая гордость?' (букв. 'что с гордостью?'), *kim devaehi aṇṇehim* (Н., 893) 'Зачем другие боги?']; удаленности в пространстве — *bhamai gharaṃ ghareṇa* (Н., 47) 'Она бродит от дома к дому'; причины — *addaṃsaṇeṇa peṭṭaṃ avei* (Н., 74) 'Из-за невидения любовь уходит', *gandheṇa kuravaāṇaṃ māṇaṃ piasaittanaṃ ṇa gaā?* (Н., 219) 'Разве от запаха куравак не стали грешны ее мысли?'; образа действия — *nivviārehi acchihim ṇiacchae* (Н., 507) 'Он смотрит безразличными глазами', *thoraṃsuehi ruṇṇaṃ savattivaggeṇa* (Н., 529) 'Горькими слезами плакали жены'; цены — *vikkiṇai pāmaro pāvalim vailleṇa* (Н., 238) 'Продает глупец верхнюю одежду за вола'; сравнения — *jalavinduehi ciurā ruvanti* (Н., 556) 'Волосы плачут каплями воды', *diaḥa diahehim samā ṇa honi* (Н., 247) 'Дни на дни не бывают похожи'.

Отложительный падеж обладает следующими значениями: удаленности (в прямом и переносном смысле) — *amha āao ajja kulaharāo* (Н., 301) 'Я пришла сегодня из родительского дома', *cheppāhimto phano jāo?* (Н., 240) '[Может ли] появиться капюшон из змеиного хвоста?', *suaṇassa mihāhi vippiam katto?* (Н., 319) 'Откуда [может быть] неприятное из уст доброго человека?', *ṇikkamāhim vi chettāhim pamago ñea vaccae vasaim* (Н., 171) 'С поля, где нечего делать, несчастный не идет домой'; сравнения — *ovaṇṇāhi vi lahuam* (R., 6, 77) 'быстрее, чем стремнина'.

Для местного падежа характерны следующие значения: места (в прямом и переносном смысле) — *haliasonhā na māai rundāsu vi gāmaracchāsu* (Н., 241) 'Сноха пахаря не помещается на широких улицах деревни', *so attho jo hatthe* (Н., 251) 'Та польза, что в руке', *kamo piāsu sajjāhuo vasai* (Н., 616) 'Во всем вооружении Кама поселяется в возлюбленных'; направления (в прямом и переносном смысле) — *tissā angammi nivadiā diṭṭhi* (Н., 234) 'взгляд, упавший на [какой-нибудь из] ее членов', *sarisammi jaṇammi rao* (Н., 12) 'Страсть к такому человеку'; времени — *rahassaim dahai ālkkhae aggi* (Н., 321) 'В конце жизни тайны сжигает огонь', *hemantammi* (Н., 329) 'зимой', *pahae* (Н., 330) 'утром', *māhamāsammi* (Н., 238) 'в месяце магха'.

В отдельных именных парадигмах обычно выражаются не все описанные противопоставления между граммемами падежей. Некоторые из них нейтрализуются в зависимости от типа склонения.

Наибольшее количество падежей (шесть) различается в склонении имен мужского рода единственного и множественного числа с основой на *-a*. К этому же типу можно отнести имена мужского рода единственного числа с основой на *-i*, *-ī*, *-u*, *-ū* в одном из вариантов парадигмы (см. схему на с. 61, тип I).

Противопоставление именительного и винительного, различающихся по признаку направленности, устраняется в парадигмах имен среднего рода единственного и множественного числа с основой на *-a*, *-i*, *-u*, а также во множественном числе у имен женского рода с основой на *-ā* и у имен мужского рода с основой на *-ī*, *-ī*, *-u*, *-ū*.

Устранение различий между именительным и винительным падежами может происходить и во множественном числе у имен мужского рода с основой на *-a* в дублетных вариантах парадигмы: ср. Nom. Acc. pl. *loā* наряду с противопоставлением Nom. pl. *loā* — Acc. pl. *loe* (см. схему, тип II).

Устранение противопоставления по направленности и объемности приводит к такому варианту падежной системы, где не различаются творительный и отложительный

падежи (см. схему, тип III). Этот тип характерен для имен мужского рода множественного числа с основой на *-a*.

Следующий тип редукции падежной системы предполагает устранение противопоставления по направленности между отложительным и родительным падежами и распространяется на имена мужского рода единственного числа с основами на *-i*, *-ī*, *-u*, *-ū* (в дублетном варианте) (см. схему, тип IV).

Устранение различий между родительным, творительным и местным падежами наблюдается в парадигмах единственного числа имен женского рода с основой на *-ā* (во всех вариантах) и с основой на *-ī*, *-ū* (в одном из вариантов) (см. схему, тип V).

Устранение различий между именительным, винительным и отложительным падежами имеет место в случае имен женского рода множественного числа с основой на *-ā* (два дублетных варианта¹⁵) (см. схему, тип VI).

Последний тип редукции падежной системы реализуется благодаря нейтрализации противопоставлений всех падежей, кроме именительного и винительного, и характеризует имена женского рода единственного числа с основами на *-i*, *-ī*, *-u*, *-ū* в том варианте, где для отложительного падежа допускается выбор иных флексий по сравнению с типом V (см. схему, тип VII).

Каждая морфема именной парадигмы, как правило, служит для выражения нескольких граммем, и в свою очередь может быть представлена несколькими алломорфами, выбор которых зависит от типа основы. Но есть немало случаев, где правила выбора флексий дают возможность образовать несколько дублетных форм от одной и той же основы. При построении конкретных форм следует учитывать и морфонологические правила перекодирования исходной фонемы основы и начальной фонемы флексии.

Что касается типов основ, то для пракритов, в отличие от языков древнеиндийского и раннесреднеиндийского периодов, число их довольно ограничено. Практически для пракритов существуют только основы с исходом на гласную (*-a*, *-ā*, *-ī*, *-ī*, *-u*, *-ū*). У небольшого числа имен, которые диахронически восходят к старым основам на сонант и носовой, в некоторых косвенных падежах появляются дублетные формы, так, ср.:

Nom. *rāā* 'царь' — Acc. *rāaṃ* и *rāaṇaṃ*

Nom. *māā* 'мать' — Acc. *māaṃ* и *māaraṃ*

Однако такие дублетные формы, являвшиеся в пракритах остатками старой системы, воспринимались как допу-

¹⁵ Здесь формы именительно-винительного и отложительного падежей омографичны.

Нейтрализация противопоставлений граммем падежа

I

Nom.	Acc.
Instr.	Abl.
Gen.	Loc.

II

Nom.—Acc.	
Instr.	Abl.
Gen.	Loc.

III

Nom.	Acc.
Instr.—Abl.	
Gen.	Loc.

IV

Nom.	Acc.	
Instr.	Abl.	Loc.
	Gen.	

V

Nom.	Acc.
Instr.	Abl.
Gen.—Loc.	

VI

Nom.—Acc.	
Instr.	Abl.
Gen.	Loc.

VII

Nom.	Acc.
Instr.—Abl.	
Gen.—Loc.	

щение множества основ с исходом на гласную для одного и того же слова; например, санскритскому существительному *mātr-* 'мать' в махараштри могут соответствовать основы: *māā-*, *māī-*, *māū-*, *māārā-*, санскритскому *bhartṛ-* 'брат' — мхр. *bhatti-*, *bhattu-*, *bhattara-*.

Для выражения различий между сочетанием граммем имени в махараштри используются 25 флексий. При этом возможны 36 сочетаний граммем (см. табл. 13).

Для выражения сочетания граммем I флексия № 1 выбирается в тех случаях, когда основа оканчивается на *a*. При этом происходит перекодирование по правилам сандхи ($a+o>o$). В остальных случаях выбирается нулевая флексия № 2, причем у основ на *-ī*, *-ū* она представлена основой без изменений (*sahī-*, *vahū-*), а у основ на *-i*, *-u* происходит морфонологическое удлинение конечной гласной основы. Так, при основах *rai-*, *maṇṇi-* — Nom. sg. *rai*, *maṇṇī*.

Для сочетания граммем II используется нулевая флексия № 2. При этом у основ на *-i*, *-u* происходит удлинение конечной гласной основы. Так, при основах *rui-*, *dheṇi-* — Nom. sg. *rui*, *dheṇī*.

Для сочетания граммем III флексия № 3 выбирается для основ на *-a*. Для остальных основ может быть использована любая из флексий — № 2 или № 3.

Для сочетаний граммем IV и V при всех видах основ используется флексия № 3.

При сочетании граммем VI действуют те же правила, что при сочетании граммем III.

Для выражения сочетаний граммем VII флексия № 4 выбирается для основ на *-a* (при этом по правилам сандхи $a+ina>ena$), для остальных основ — флексия № 5.

Для сочетания граммем VIII флексия № 6 выбирается для основ на *-ā*, для основ на *-ī*, *-ī*, *-u*, *-ū* может быть использована любая из флексий — № 6 или № 7.

При сочетании граммем IX выбираются те же флексии, что и при сочетании граммем VII.

Для сочетания граммем X флексии № 8 и № 9 факультативно используются для основ на *-a*, флексии № 10 и № 11 тоже факультативно — для всех остальных типов основ; флексия № 12 выбирается только для основ на *-i*, *-u*. Перед флексиями № 9, № 10, № 11, № 12 происходит морфонологическое удлинение конечной гласной основы.

Для сочетания граммем XI флексия № 11 используется для всех видов основ, флексии № 6 и № 7 выбираются факультативно для основ на *-ī*, *-ī*, *-u*, *-ū*.

Для сочетания граммем XII употребляются те же флексии, что и для сочетания X.

Для сочетания граммем XIII флексия № 15 может использоваться для всех типов основ. При этом не бывает

удлинения конечной гласной основы. Флексия № 12 выбирается только для основ на *-i*, *-u*.

Для сочетания граммем XIV флексия № 6 выбирается для всех видов основ, флексия № 7 — только для основ на *-i*, *-ī*, *-u*, *-ū*.

Для сочетания граммем XV выбираются те же флексии, что и для сочетания граммем XIII.

Для сочетания граммем XVI флексия № 14 выбирается только для основ на *-a*. При этом происходит перекодирование по правилам сандхи ($a+i>e$). Флексия № 15 употребляется при всех видах основ.

Для сочетания граммем XVII выбираются те же флексии, что для сочетания граммем XIV, для сочетания XVIII — те же, что для сочетания XVI.

Для сочетания граммем XIX флексия № 2 используется для всех видов основ (при морфонологическом удлинении конечной гласной основы). Для основ на *-i*, *-u* выбираются флексия № 16 или флексия № 17. При этом, когда используется флексия № 16, основа имени может быть представлена двумя факультативными вариантами: с морфонологическим удлинением конечной гласной (*paīo*, *vaññīo*) и с заменой конечной гласной основы на *a* (*paao*, *vaññaο*). Такая замена может быть объяснена только с точки зрения диахронической и является результатом фонетического изменения такого варианта основы, где конечная гласная в ранний период истории среднеиндийских языков была представлена ступенью *gīa*. Так что в махараштри в качестве исходных форм для *paao* и *vaññaο* можно реконструировать **paayo* и **vaññavo*.

Для сочетания граммем XX флексия № 2 выбирается только для основ на *-ā*, флексия № 16 может быть использована для всех основ.

Для сочетания граммем XXI флексия № 18 выбирается для всех видов основ.

Для сочетания граммем XXII флексия № 2 употребляется для всех видов основ, флексия № 19 — для основ на *-a* (с перекодированием $a+e>e$), флексия № 16 — для основ на *-i*, *-u*; при этом основа имени выступает в виде второго варианта, описанного для сочетания граммем XIX.

Для сочетания граммем XXIII действительны те же правила, что для сочетания граммем XX.

Для сочетания граммем XXIV выбираются те же флексии, что для сочетания XXI.

Для сочетания граммем XXV флексия № 20 выбирается для основ на *-a* (при морфонологическом перекодировании $a+i>e$) и флексия № 9 — для всех остальных основ.

Для сочетания граммем XXVI флексия № 9 используется для всех видов основ.

Для сочетания граммем XXVII имеют силу те же правила, что и для сочетания граммем XXV.

Для сочетания граммем XXVIII флексии № 20 и № 21 выбираются для основ на *-a* (выбор факультативен). При этом происходит перекодирование: *a+ihim>ehim*, *a+ihimto>ehimto*. Флексии № 10, № 22 и № 11 факультативно могут употребляться при всех видах основ.

Для сочетания граммем XXIX флексии № 10, № 22 и № 11 употребляются для основ на *-a*. Для остальных типов основ флексии в текстах не зарегистрированы.

Для сочетания граммем XXX выбираются флексии № 20, № 21 и № 11. Они сочетаются с основами по тем же правилам, что и для XXVIII.

Для сочетаний граммем XXXI, XXXII и XXXIII флексия № 23 выбирается для всех видов основ (при основах на краткую гласную последняя удлиняется).

Для сочетания граммем XXXIV флексия № 24 выбирается для основ на *-a* (при перекодировании *a+isu>esu*), флексия № 25 — для всех остальных основ.

Для сочетания граммем XXXV флексия № 25 используется при всех основах.

Для сочетания граммем XXXVI имеют силу те же правила, что и для сочетания граммем XXXIV.

Примеры парадигм существительных с основами различных типов приведены ниже (см. табл. 14а—14е).

Прилагательные — один из подклассов имени, имеющий в пракритах некоторые особенности, отличающие его от подкласса существительных. Каждой единице подкласса прилагательных присущи определенные род, число и падеж, которые определяются соответствующими категориями существительного, с которым это прилагательное связано, например:

мхр. *tāi rasio dariddo a māṇuso* 'щедрый, обладающий вкусом и бедный человек', *dihā jāminī* 'долгая ночь', *suṇṇaṃ cittaṃ* 'пустая картина', *lahuā guṇā* 'легковесные достоинства', *phāraṃ taṇuim pi taṇuei* (Н., 162) 'Тонкую струйку она утоньшает'.

Для каждого прилагательного в отличие от существительных существует противопоставление трех граммем рода:

komalo 'нежный' — *komala* — *komalaṃ*.

Противопоставление прилагательных по градуальности осуществляется путем оппозиции трех граммем: положительной, сравнительной и превосходной степени. Эти граммы противопоставлены по двум дифференциальным признакам: присутствию элемента сравнения — положительной выраженности градуальности.

В плане выражения граммы градуальности характеризуются противопоставлением следующих элементов. Для

Флексии существительных в махараштри

Сочета- ния граммем	Граммемы			Флексии и их номера
	падеж	род	число	
I	Nom.	m.	sg.	№ 1 (-o), № 2 (#)
II	Nom.	f.	sg.	№ 2 (#)
III	Nom.	n.	sg.	№ 3 (-ṁ), № 2 (#)
IV	Acc.	m.	sg.	№ 3 (-ṁ)
V	Acc.	f.	sg.	№ 3 (-ṁ)
VI	Acc.	n.	sg.	№ 3 (-ṁ), № 2 (#)
VII	Instr.	m.	sg.	№ 4 (-iṇa/-iṇaṁ), № 5 (-ṇā)
VIII	Instr.	f.	sg.	№ 6 (-a/-e/-i), № 7 (-ā)
IX	Instr.	n.	sg.	№ 4 (-iṇa/-iṇaṁ), № 5 (-ṇā)
X	Abl.	m.	sg.	№ 8 (-ā), № 9 (-hi/-hiṁ), № 10 (-hiṁto), № 11 (-o/-u), № 12 (-ṇo)
XI	Abl.	f.	sg.	№ 11 (-o/-u), № 6 (-a/-e/-i), № 7 (-ā)
XII	Abl.	n.	sg.	№ 8 (-ā), № 9 (-hi/-hiṁ), № 10 (-hiṁto), № 11 (-o/-u), № 12 (-ṇo)
XIII	Gen.	m.	sg.	№ 13 (-ssa), № 12 (-ṇo)
XIV	Gen.	f.	sg.	№ 6 (-a/-i/-e), № 7 (-ā)
XV	Gen.	n.	sg.	№ 13 (-ssa), № 12 (-ṇo)
XVI	Loc.	m.	sg.	№ 14 (-i), № 15 (-mmi)
XVII	Loc.	f.	sg.	№ 6 (-a/-i/-e), № 7 (-ā)
XVIII	Loc.	n.	sg.	№ 14 (-i), № 15 (-mmi)
XIX	Nom.	m.	pl.	№ 2 (#), № 16 (-o/-u), № 17 (-ṇo)
XX	Nom.	f.	pl.	№ 2 (#), № 16 (-o/-u)
XXI	Nom. ¹⁾	n.	pl.	№ 18 (-iṁ)

Сочета- ния граммем	Граммемы			Флексии и их номера
	падеж	род	число	
XXII	Acc.	m.	pl.	№ 2 (#), № 19 (-e), № 16 (-o/-u)
XXIII	Acc.	f.	pl.	№ 2 (#), № 16 (-o/-u)
XXIV	Acc.	n.	pl.	№ 18 (-im)
XXV	Instr.	m.	pl.	№ 20 (-ihil/-ihim), № 9 (-hi/-him)
XXVI	Instr.	f.	pl.	№ 9 (-hi/-him)
XXVII	Instr.	n.	pl.	№ 20 (-ihil/-ihim), № 9 (-hi/-him)
XXVIII	Abl.	m.	pl.	№ 20 (-ihil/-ihim), № 21 (-ihimto), № 10 (-himto), № 22 (-sumto), № 11 (-o/-u)
XXIX	Abl.	f.	pl.	№ 10 (-himto), № 22 (-sumto), № 11 (-o/-u)
XXX	Abl.	n.	pl.	№ 20 (-ihil/-ihim), № 21 (-ihimto), № 11 (-o/-u)
XXXI	Gen.	m.	pl.	№ 23 (-na/-nam)
XXXII	Gen.	f.	pl.	№ 23 (-na/-nam)
XXXIII	Gen.	n.	pl.	№ 23 (-na/-nam)
XXXIV	Loc.	m.	pl.	№ 24 (-isu/-isum), № 25 (-su/-sum)
XXXV	Loc.	f.	pl.	№ 25 (-su/-sum)
XXXVI	Loc.	n.	pl.	№ 24 (-isu/-isum), № 25 (-su/-sum)

Парадигма склонения имен с основой на -а (м.)
(мхр. *loa* 'мир', шр., мг., пш. *putta* 'сын')

Сочета- ния граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
I	<i>loo</i>	<i>putto</i>	<i>putte</i>	
IV	<i>loam</i>	<i>puttam</i>	<i>puttam</i>	
VII	<i>loena</i> <i>loenam</i>	<i>putteṇa</i>	<i>putteṇa</i>	<i>putteṇa</i>
X	<i>loā</i> <i>loāhi</i> <i>hoāhiṃ</i> <i>loāhiṃto</i> <i>loāo</i> <i>loau</i>	<i>puttādo</i> <i>puttādu</i>	<i>puttādo</i>	<i>puttāto</i> <i>puttātu</i>
XIII	<i>loassa</i>	<i>puttassa</i>	<i>puttaśsa</i> <i>puttāha</i>	
XVI	<i>loe</i> <i>loammi</i>	<i>putte</i>	<i>putte</i>	<i>putte</i>
XIX	<i>loā</i>	<i>puttā</i>	<i>puttā</i>	<i>saiḷā</i>
XXII	<i>loā</i> <i>loe</i>	<i>putte</i>	<i>putte</i>	
XXV	<i>loehi</i> <i>loehiṃ</i>	<i>puttehiṃ</i>	<i>puttehiṃ</i>	
XXVIII	<i>loehiṃ</i> <i>loehiṃto</i>			
XXXI	<i>loāṇa</i> <i>loaṇam</i>	<i>puttāṇam</i>	<i>puttāṇam</i> <i>puttāṇam</i>	
XXXIV	<i>loesu</i> <i>loesum</i>	<i>puttesum</i>	<i>puttesum</i>	

Парадигма склонения имен с основой на -i (т.)
(мхр. *paī* 'господин', шр., мг. *aggi* 'огонь')

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи
I	<i>paī</i>	<i>aggī</i>	<i>aggī</i>
IV	<i>paīm</i>	<i>aggiṃ</i>	<i>aggiṃ</i>
VII	<i>paīṇa</i>	<i>aggiṇa</i>	<i>aggiṇa</i>
X	<i>paīo</i> <i>paīu</i> <i>paīṇo</i> <i>paīhiṃto</i>	<i>aggīdo</i>	<i>aggīdo</i>
XIII	<i>paīṇo</i> <i>paīssa</i>	<i>aggiṇo</i>	<i>aggiṇo</i>
XVI	<i>paīmī</i>	<i>aggimī</i>	
XIX	<i>paī</i> <i>paīo</i> <i>paao</i> <i>paau</i> <i>paīno</i>	<i>aggīo</i> <i>aggiṇo</i>	
XXII	<i>paī</i> <i>paao</i> <i>paīṇo</i>	<i>aggīo</i>	
XXV	<i>paīhi</i> <i>paīhiṃ</i>	<i>aggīhiṃ</i>	<i>aggīhiṃ</i>
XXVIII	<i>paīhiṃto</i> <i>paīsumto</i> <i>paīo</i>		
XXXI	<i>paīṇa</i> <i>paīṇaṃ</i>	<i>aggīṇaṃ</i>	<i>aggīṇaṃ</i>
XXXIV	<i>paīsu</i> <i>paīsum</i>	<i>aggīsu</i> <i>aggiṣum</i>	<i>aggiṣum</i>

Парадигма склонения имен с основой на -и (т.)
 (мхр. *maṇṇi* 'гнев', шр. *pahi* 'хозяин', 'господин',
 мг. *śattu* 'враг')

Сочетания граммем	Махараштри	Шаураcени	Марадхи
I	<i>maṇṇī</i>	<i>pahī</i>	<i>śattī</i>
IV	<i>maṇṇim</i>	<i>pahum</i>	<i>śattum</i>
VII	<i>maṇṇina</i>	<i>pahuṇa</i>	<i>śattuṇa</i>
X	<i>maṇṇāo</i> <i>maṇṇuu</i> <i>maṇṇuhiṃto</i> <i>maṇṇuṇo</i>		
XIII	<i>maṇṇuṇo</i> <i>maṇṇussa</i>	<i>pahuṇo</i> <i>puhussa</i>	<i>śattuśśa</i>
XVI	<i>maṇṇummi</i>	<i>pahummi</i>	<i>śattummi</i>
XIX	<i>maṇṇū</i> <i>maṇṇūo</i> <i>maṇṇao</i> <i>maṇṇuṇo</i>	<i>pahao</i> <i>pahuṇo</i>	<i>śattāo</i>
XXII	<i>maṇṇū</i> <i>maṇṇau</i> <i>maṇṇuṇo</i>	<i>pahavo</i>	
XXV	<i>maṇṇūhi</i> <i>maṇṇuhiṃ</i>	<i>pahuhiṃ</i>	<i>śattuhiṃ</i>
XXVIII	<i>maṇṇuo</i> <i>maṇṇuhiṃto</i> <i>maṇṇusumto</i>		
XXXI	<i>maṇṇūna</i> <i>maṇṇūṇam</i>	<i>pahuṇam</i>	<i>śattuṇam</i>
XXXIV	<i>maṇṇūsu</i> <i>maṇṇūsum</i>	<i>pahūsum</i>	<i>śattūsu</i> <i>śattūsum</i>

Парадигма склонения имен с основой на -ā (f.)
 (мхр. *soṇhā* 'сноха', шр. *mālā* 'гирлянда',
 мг. *śevidā* 'посещение')

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи
II	<i>soṇhā</i>	<i>mālā</i>	<i>śevidā</i>
V	<i>soṇhaṃ</i>	<i>mālāṃ</i>	<i>śevidaṃ</i>
VIII	<i>soṇhāa</i> <i>soṇhāe</i> <i>soṇhāi</i>	<i>mālāe</i>	<i>śevidae</i>
XI	<i>soṇhāo</i> <i>soṇhāu</i>	<i>mālādo</i>	<i>śevidādo</i> <i>śevidae</i>
XIV	<i>soṇhāa</i> <i>soṇhāe</i> <i>soṇhāi</i>	<i>mālāe</i>	<i>śevidāe</i>
XVII	<i>soṇhāa</i> <i>soṇhāe</i> <i>soṇhāi</i>	<i>mālāe</i>	<i>śevidāe</i>
XX	<i>soṇhā</i> <i>soṇhāo</i> <i>soṇhāu</i>	<i>mālā</i> <i>mālāo</i>	<i>śevidāo</i>
XXIII	<i>soṇhā</i> <i>soṇhāo</i> <i>soṇhāu</i>	<i>mālā</i> <i>mālāo</i>	<i>śevidā</i> <i>śevidāo</i>
XXVI	<i>soṇhāhi</i> <i>soṇhāhiṃ</i>	<i>mālāhiṃ</i>	<i>śevidahim</i>
XXIX	<i>soṇhāo</i> <i>soṇhāu</i> <i>soṇhahiṃto</i> <i>soṇhasumto</i>		
XXXII	<i>soṇhāna</i> <i>soṇhānaṃ</i>	<i>mālāṇām</i>	<i>śevidāṇam</i>
XXXV	<i>soṇhāsu</i> <i>soṇhāsum</i>	<i>mālāsum</i>	<i>śevidasu</i> <i>śevidasum</i>

Парадигма склонения имен с основой на -ī (f.)
 (мхр. *sahī* 'подруга', шр. *padī* 'река',
 мг. *naalī* 'горожанка')

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи
II	<i>sahī</i>	<i>ṇadī</i>	<i>ṇaalī</i>
V	<i>sahīm</i>	<i>ṇadīm</i>	<i>ṇaalīm</i>
VIII	<i>sahīa</i> <i>sahīe</i> <i>sahīe</i> <i>sahīa</i>	<i>ṇadīe</i>	<i>ṇaalīe</i>
XI	<i>sahīo</i> <i>sahīa</i> <i>sahīe</i> <i>sahīi</i> <i>sahīā</i>	<i>ṇadīdo</i>	<i>ṇaalīdo</i>
XIV	<i>sahīa</i> <i>sahīe</i> <i>sahīi</i> <i>sahīā</i>	<i>ṇadīe</i>	<i>ṇaalīe</i>
XVII	<i>sahīa</i> <i>sahīe</i> <i>sahīi</i> <i>sahīa</i>	<i>ṇadimmi²</i>	<i>ṇaalīe</i>
XX	<i>sahīo</i> <i>sahīu</i>	<i>ṇadīo</i>	<i>ṇaalīo</i>
XXIII	<i>sahīo</i> <i>sahīu</i>	<i>ṇadīo</i>	
XXVI	<i>sahīhi</i> <i>sahīhim</i>	<i>ṇadīhim</i>	
XXIX	—	—	—
XXXII	<i>sahīṇa</i> <i>sahīṇam</i>	<i>ṇadīṇam</i>	
XXXV	<i>sahīsu</i> <i>sahīsum</i>	<i>ṇadīsum</i>	<i>ṇaalīsum</i>

Парадигма склонения имен с основой на -*ū* (f.)
 (мхр. *vahū*, шр. *vadhū* 'невестка',
 мг. *vāśū* 'молодая девушка')

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурацени	Магадхи
II	<i>vahū</i>	<i>vadhū</i>	<i>vāśū</i>
V	<i>vahuṃ</i>	<i>vadhūṃ</i>	<i>vāśuṃ</i>
VIII	<i>vahūa</i> <i>vahūe</i> <i>vahūi</i> <i>vahūā</i>	<i>vadhūe</i> <i>vadhue</i>	<i>vāśūe</i> <i>vāśue</i>
XI	<i>vahūo</i> <i>vahūa</i> <i>vahūe</i> <i>vahūi</i> <i>vahūā</i>	<i>vadhūo</i>	
XIV	<i>vahūa</i> <i>vahūe</i> <i>vahūi</i> <i>vahūā</i>	<i>vadhūe</i>	
XVII	<i>vahūā</i> <i>vahūe</i> <i>vahūi</i> <i>vahūa</i>		
XX	<i>vahūo</i> <i>vahūu</i>	<i>vadhūo</i>	<i>vāśūo</i>
XXIII	<i>vahūo</i> <i>vahūu</i>	<i>vadhūo</i>	<i>vāśūo</i>
XXVI	<i>vahūhi</i> <i>vahūhiṃ</i>	<i>vadhūhi</i>	
XXIX	—	—	—
XXXII	<i>vahūṇa</i> <i>vahūṇam</i>	<i>vadhūṇam</i>	
XXXV	<i>vahūsu</i> <i>vahūsuṃ</i>		

сравнительной степени: мхр. *-ara/-ia*, шр. *-dara/-ia*, мг. *-dala/-ia*. Для превосходной степени: мхр. *-ama/-it̥ṭha*, шр. и мг. *-dama/-it̥ṭha*. Эти элементы присоединяются к основе прилагательного в положительной степени:

мхр. *tikkha* 'острый' — *tikkhaara* — *tikkhaama*, *pia* 'милый' — *piaara* — *piaama*.

Встречаются супплетивные образования:

шр. *juvā* 'молодой' — *kaṇit̥ṭha*,
bahu 'многий' — *bhūo* и *bahudara* — *bhūit̥ṭha*.

Наряду с обычным употреблением степеней сравнения в пракритах часто встречаются такие случаи передачи сравнения, когда сравнение выражается сочетанием положительной степени прилагательного с творительным падежом имени, с которым производится сравнение, например:

мхр. *ovaṇāhi vi lahuam* (R., 6, 77) 'быстрее, чем стремнина', шр. *tatto vi pia* (Śak., 9, 10) 'милее, чем ты'.

Местоимения также образуют особый подкласс класса имени. Внутри этого подкласса выделяется группа личных местоимений, которые имеют ряд признаков, отличающих их от неличных местоимений: указательных, относительных, вопросительных, неопределенных.

Для личных местоимений в пракритах характерно отсутствие категории рода, наличие в некоторых формах флексий, не характерных для имени, сочетание полных и энклитических форм. Супплетивизм, свойственный личным местоимениям в древнеиндийский и раннесреднеиндийский периоды, имеет в пракритах тенденцию к постепенному упрощению. Однако наряду с противопоставлением основы именительного падежа основам косвенных падежей, которое наличествует во всех пракритах только для местоимения 1-го лица (мхр. Nom. *aham* — Асс. *tam*) и в пракрите пайшачи для местоимений 1-го и 2-го лица, в пракритах наблюдается тенденция образования падежных форм от формы родительного падежа единственного числа, которая принимается в качестве основы, так, например: Gen. *tama*, Асс. *tamat*, Abl. *tamahipto*; Gen. *majjha*, Loc. pl. *majjhasu*. В результате этого образуется множество дублетных форм, столь характерное для личных местоимений (см. табл. 15а—15г).

Во множественном числе в пракритах более отчетливо выражена тенденция к унификации основы.

Группа неличных местоимений характеризуется в пракритах категорией рода, некоторыми специфическими флексиями и слабо выраженным супплетивизмом. В эту группу входят:

указательные местоимения — мхр., шр. *so*, мг. *śe* 'тот'; мхр., шр. *eso*, мг. *eśe* 'этот'; мхр., шр., мг. *aam* 'этот';

относительные — мхр., шр. *jo*, мг. *yo* 'который';
вопросительные — мхр., шр., мг. *ko* 'кто?', 'который?'.
Особое место среди местоимений занимает указатель-

ное местоимение *so* 'тот'. С одной стороны, в ряде случаев оно стремится выполнять роль определенного артикля, с другой стороны, его обычное прилагательное употребление в значении «он» (мхр. *so gacchai* 'он идет', *sā suā* 'она заснула') и наличие энклитической формы (мхр., шр. *se*, мг. *śe*) сближают его с группой личных местоимений (см. табл. 16а—16б).

Числительные

Количественные числительные также следует отнести к классу имени. Особенностью этого подкласса в пракритах является полное отсутствие грамматической категории рода и категории числа¹⁶.

Многие дублетные формы, встречающиеся для некоторых числительных, являются пережитками старой системы, когда в раннесреднеиндийский период эти формы были связаны с родовыми противопоставлениями. В махараштри, например, формы числительного «два»: *do*, *duve*, *be*, *biṇṇi* — могут употребляться с существительным любого рода, например:

duve jaṇā 'два человека', *bhajjā duve* 'две жены'.

Аналогично употребляются все формы числительных: *tao* — 3, *caṇo* — 4, *pañca* — 5, *cha* — 6, *satta* — 7, *aṭṭha* — 8, *ṇava* — 9, *dasa* — 10; так, например:

tao parisāo 'три человека', *tao thāṇā* 'три места',

tiṇṇi rehā 'три черты', *tiṇṇi mahilāo* 'три женщины'.

Числительные *eāraha* — 11, *bāraha* — 12, *teraha* — 13, *coddaha* — 14 и т. д. склоняются по тому же типу, что и *pañca*.

Числительные от 19 до 58 трактуются или как существительные среднего рода с основой на *-a* (*vīsaṃ* — 20, *tīsaṃ* — 30), или как существительные женского рода с основой на *-ā* (*vīsā*, *tīsā*, *cattālīsā* и т. д.).

Числительные от 59 до 99 трактуются или как имена среднего рода с основой на *-i*, или как имена женского рода на *-ī*, например:

asīṃ и *asī* — 80, *saṭṭhiṃ* и *saṭṭhī* — 60.

Числительные *saam* — 100 и *sahassam* — 1000 трактуются как имена среднего рода с основой на *-a*.

¹⁶ Исключение составляет только числительное *ekka* 'один', которое по типу ближе всего стоит к указательным местоимениям.

Парадигма склонения личного местоимения
sg. *aḥaṁ* 'я'

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
I	<i>aḥaṁ haṁ aḥaṁ</i>	<i>aḥaṁ</i>	<i>haṁ hage hagge hake ahake</i>	<i>aḥaṁ</i>
IV	<i>maṁ mamaṁ mahaṁ</i>	<i>maṁ</i>	<i>mamaṁ maṁ</i>	
VII	<i>mae mai</i>	<i>mae</i>	<i>mai</i>	
X	<i>matāo matau</i>			
XIII	<i>mama mamaṁ maha mahaṁ majjha majjhaṁ</i>	<i>mama maha majjha</i>	<i>mama maha</i>	
XVI	<i>mae mai</i>	<i>mai</i>		

Парадигма склонения личного местоимения
pl. *amhe* 'мы'

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
XIX	<i>amhe amha</i>	<i>vaam</i>	<i>aśme hage</i>	<i>vayaṁ ampha amhe</i>
XXII	<i>amhe amha</i>	<i>amhe</i>	<i>aśme</i>	
XXV	<i>amhehi amhehiṁ</i>	<i>amhehiṁ</i>	<i>aśmehiṁ</i>	
XXVIII	<i>amhāsumto amhesumto mamatto mamāhiṁto mamāsumto</i>			

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
XXXI	<i>amhāṇa</i> <i>amhāṇaṃ</i> <i>amha</i> <i>amhaṃ</i>	<i>amhānaṃ</i>	<i>aśmanaṃ</i>	
XXXIV	<i>amhesu</i> <i>amhāsu</i> <i>majjhāsu</i>	<i>amhesu</i>		

Таблица 15в

Парадигма склонения личного местоимения
sg. *tumaṃ* 'ты'

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
I	<i>tumaṃ</i> <i>tum</i> <i>taṃ</i>	<i>tumaṃ</i>	<i>tumaṃ</i>	<i>tumaṃ</i>
IV	<i>tumaṃ</i>	<i>tumaṃ</i>	<i>tumaṃ</i>	
VII	<i>tae</i> <i>tai</i> <i>tue</i> <i>tui</i> <i>tumae</i> <i>tumai</i> <i>tume</i>	<i>tae</i>	<i>tae</i> <i>tue</i>	
X	<i>tumāhi</i> <i>tumāhiṃto</i> <i>tumāo</i>	<i>tatto</i> <i>tuvatto</i> <i>tumāhiṃto</i>		<i>tumāto</i> <i>tumātu</i>
XIII	<i>tujjha</i> <i>tuha</i> <i>tuhaṃ</i> <i>tumhaṃ</i> <i>tumaṃ</i> <i>tumma</i>	<i>tuha</i> <i>tava</i> <i>tujjha</i>	<i>tuva</i> <i>tuha</i>	

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
XVI	<i>tai</i> <i>tumammi</i> <i>tume</i> <i>tue</i> <i>tumae</i>	<i>tai</i> <i>tui</i>		

Таблица 15г

Парадигма склонения личного местоимения
pl. *tumhe* 'вы'

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи
XIX	<i>tumhe</i> <i>tumha</i>	<i>tumhe</i>	<i>tumhe</i> <i>tusme</i>
XXII	<i>tumhe</i> <i>tumha</i>	<i>tumhe</i>	
XXV	<i>tumhehiṃ</i>	<i>tumhehiṃ</i>	
XXVIII	—		
XXXI	<i>tumhāṇaṃ</i> <i>tumhāṇa</i> <i>tumha</i>	<i>tumhāṇaṃ</i>	<i>tumhāṇaṃ</i>
XXXIV	<i>tumhasu</i>		

Парадигма склонения указательного местоимения
 мр., шр., пш., со, мг. *śe* 'тот', 'он'

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
I	<i>so</i>	<i>so</i>	<i>śe</i>	<i>so</i>
IV	<i>taṃ</i>	<i>taṃ</i>	<i>taṃ</i>	<i>taṃ</i>
VII	<i>teṇa</i>	<i>teṇa</i>	<i>teṇa</i>	
X	<i>tāo</i> <i>to</i> <i>tā</i>	<i>tado</i>	<i>tado</i> <i>to</i> <i>tā</i>	
XIII	<i>tassa</i> <i>tāsa</i>	<i>tassa</i>	<i>taśśa</i> <i>tāha</i>	
XVI	<i>tammi</i> <i>tahi</i> <i>tahiṃ</i>	<i>tassiṃ</i>	<i>taśśiṃ</i>	
XIX	<i>te</i>	<i>te</i> <i>tāo</i> <i>taiṃ</i>	<i>te</i>	
XXII	<i>te</i>	<i>te</i>	<i>te</i>	
XXV	<i>tehiṃ</i>	<i>tehiṃ</i>	<i>tehiṃ</i>	
XXVIII	—	—	—	
XXXI	<i>tāṇa</i> <i>tāṇaṃ</i>	<i>tāṇaṃ</i>	<i>tāṇaṃ</i>	
XXXIV	<i>tesu</i>	<i>tesu</i> <i>tesuṃ</i>		

Парадигма склонения указательного местоимения
sā 'та', 'она'

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
II	<i>śā</i>	<i>sā</i>	<i>sā</i>	<i>sā</i>
V	<i>taṃ</i>	<i>taṃ</i>	<i>taṃ</i>	
VIII	<i>tīa</i> <i>tīe</i>	<i>tāe</i>	<i>tāe</i>	<i>tīe</i>
XI	—	—	—	—

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
XIV	<i>tissā</i> <i>tīe</i> <i>tīa</i> <i>tīā</i> <i>tīī</i>	<i>tāe</i>	<i>tāe</i>	<i>tīe</i>
XVII	<i>tīe</i> <i>tīa</i> <i>tāhiṃ</i> <i>tāhe</i>			
XX	<i>tāo</i> <i>tāo</i>	<i>tāo</i>		
XXIII	<i>tāo</i>			
XXVI	<i>tāhiṃ</i>	<i>tāhi</i>		
XXIX	—	—	—	—
XXXII	<i>tāṇa</i> <i>tāṇaṃ</i>	<i>tāṇaṃ</i>	<i>tāṇaṃ</i>	
XXXV		<i>tāsu</i>		

ekka 'один':

I *ekka*,
 II *ekkā*,
 XIX—XXI *ekke*,
 XVI—XVIII *ekkammi*;

do 'два':

XIX—XXI *do*, *duve*, *be*, *biṇṇi*,
 XXII—XXIV *do*, *duve*, *be*, *biṇṇi*,
 XXV—XXVII *dohiṃ*, *duvehiṃ*, *behi*,
 XXXI—XXXIII *doṇha*, *doṇham*, *duveṇaṃ*, *beṇhaṃ*,
 XXXIV—XXXVI *dosu*, *dosuṃ*, *duveṣuṃ*, *besu*, *besuṃ*;

ti 'три':

XIX—XXI *tao*, *tiṇṇi*,
 XXII—XXIV *tao*, *tiṇṇi*,
 XXV—XXVII *tihim*,
 XXVIII—XXX *tihimto*, *tisuṃto*,
 XXXI—XXXIII *tiṇha*, *tiṇhaṃ*,
 XXXIV—XXXVI *tisu*, *tisuṃ*;

cau 'четыре':

XIX—XXI *cattāro*, *cattāri*, *cañō*,
XXII—XXIV *cattāro*, *cattari*, *cañō*,
XXV—XXVII *cauhiṃ*,
XXVIII—XXX *cauhiṃto*, *causumto*,
XXXI—XXXIII *cauṇham*,
XXXIV—XXXVI *causu*, *causum*.

Порядковые числительные, т. е. *duia*, *biia* 'второй', *taia* 'третий', *cauttha* 'четвертый' и т. д., следует относить к разряду прилагательных.

ГЛАГОЛ

В класс глагола в пракритах входят личные формы и близкие к классу имени неличные формы (инфинитив, абсолют, причастия).

Для глагола во всех пракритах характерны грамматические категории рода, числа, лица, времени, наклонения, вида, залога (см. табл. 17).

Категория рода существенна и для личных и для неличных форм глагола и содержит указание на участника события.

Категория числа в глаголе реализуется теми же противопоставлениями граммем, что и в имени, и является существенной только для личных глагольных форм и причастий. Как и категория рода, содержит указание на участника события.

Категория лица образуется противопоставлением трех граммем (1-го, 2-го и 3-го лица) по двум дифференциальным признакам: «совпадение—несовпадение участника события с говорящим» и «участие—неучастие в акте речи». Категория лица характеризует только личные формы глагола. Формально противопоставления граммем лица нейтрализуются в махараштри у глаголов в желательном наклонении в 1-м, 2-м и 3-м лице единственного числа и в 3-м лице множественного числа (для одного из вариантов парадигмы), например, 1-е, 2-е, 3-е л. sg. Instr. pl. *jieṇṇa* от глагола *jai* 'жить'.

Следует также отметить, что в стихотворных текстах махараштри, когда речь идет от имени 1-го лица единственного числа, глагол употребляется в 1-м лице множественного числа, например, *tie paricumviam bharimo* (Н., 22) 'Вспоминаю, как целовал я ее' (букв. 'Вспоминаем о ее целовании').

Категория времени в пракритах представлена неполно. Это является следствием отсутствия в описываемых языках глагольных форм претерита, столь широко представ-

Флексии глагола

Сочета- ния грам- мем	Граммемы				Флексии и их номера
	лицо	число	время	накло- нение	
I	1-e	sg.	Pr.	Ind.	№ 1 (-mi), № 2 (-e)
II	2-e	sg.	Pr.	Ind.	№ 3 (-si), № 4 (-se)
III	3-e	sg.	Pr.	Ind.	№ 5 (-i), № 2 (-e)
IV	1-e	pl.	Pr.	Ind.	№ 6 (-ma), № 7 (-mo/-mu)
V	2-e	pl.	Pr.	Ind.	№ 8 (-ha)
VI	3-e	pl.	Pr.	Ind.	№ 9 (-nti), № 10 (-nte)
VII	1-e	sg.	Fut.	Ind.	№ 1 (-mi), № 11 (-m)
VIII	2-e	sg.	Fut.	Ind.	№ 3 (-si)
IX	3-e	sg.	Fut.	Ind.	№ 5 (-i)
X	1-e	pl.	Fut.	Ind.	№ 6 (-ma), № 7 (-mo)
XI	2-e	pl.	Fut.	Ind.	№ 8 (-ha)
XII	3-e	pl.	Fut.	Ind.	№ 9 (-nti)
XIII	1-e	sg.		Imp.	
XIV	2-e	sg.		Imp.	№ 12 (-#), № 13 (-hi), № 14 (-su)
XV	3-e	sg.		Imp.	№ 15 (-u)
XVI	1-e	pl.		Imp.	№ 7 (-mo/-mu), № 16 (-mha)
XVII	2-e	pl.		Imp.	№ 8 (-ha)
XVIII	3-e	pl.		Imp.	№ 17 (-ntu)
XIX	1-e	sg.		Opt.	№ 12 (-#), № 1 (-mi)
XX	2-e	sg.		Opt.	№ 12 (-#), № 3 (-si)
					№ 13 (-hi), № 14 (-su)
XXI	3-e	sg.		Opt.	№ 12 (-#)
XXII	1-e	pl.		Opt.	№ 6 (-ma)
XXIII	2-e	pl.		Opt.	№ 8 (-ha)
XXIV	3-e	pl.		Opt.	№ 12 (-#)

ленных в древнеиндийский период и слившихся в единой форме в среднеиндийских языках раннего периода. Для выражения претеритальности в пракритах стали употребляться причастия совершенного вида, например:

мхр. *tuha virāhe kisiāi tīe angāi* (Н., 40) 'С тобой в разлуке иссохло ее тело', *ahiṇava mehāṇa ravo nisāmio* (Н., 29) 'Гром раздался из новых туч'; шр. *utthedu utthedu ajjāa pabhādaṃ samvuttaṃ* (Мгс., VI) 'Вставай, вставай, почтенная. Утро наступило'.

Таким образом, старая система противопоставлений времени оказалась разрушенной. Оставшийся от нее в пракритах фрагмент составляет противопоставления двух времен: настоящего и будущего по двум дифференциальным признакам — «гипотетичность—негипотетичность».

Граммемы времени

негипотетичность—настоящее время

гипотетичность —будущее время

В целом для выражения всех временных отношений в

праkritах используется комбинированная глагольно-именная система.

Граммема настоящего времени может выражать в праkritах следующие значения:

1) вневременное употребление — *addaṃsaṇeṇa galanti pettāim* (Н., 72) 'От невидения любовь уходит';

2) указание на действие, совпадающее с моментом речи — *vālaa de vacca lahiṃ marai varai* (Н., 588) 'Иди скорей, умирает бедняжка';

3) указание на действие, предшествующее моменту речи — *taiā kaaggha mahuaṇa nāramasi añṇāsu pupphajāṇsu* (Н., 91) 'О неблагодарная пчела, раньше ты не находила удовольствия в других видах цветов';

4) действие, которое следует за моментом речи — *arambhantassa dhuam lacchi maraṇam va hoi purisassa tam maraṇam añārambhante vi hoi lacchi uṇa na hoi* (Н., 42) 'Мужчину, затеявшего [опасное дело], наверняка [ждет] или удача, или смерть. Но смерть будет [ему], даже если он не начнет, а удачи не будет';

5) итеративное употребление — *kallaṃ kharahiao pava-sai pio* (Н., 46) 'На рассвете милый уходит, жестокий';

6) значение, близкое к значению желательного наклонения — *virahe honte ko vi jiai!?* (Н., 76) 'Когда наступает разлука, кто может жить!?'.

Граммема будущего времени может выражать различные оттенки значений, передающие гипотетичность, вплоть до случаев, когда эта граммема передает значение, близкое к значению желательного и даже повелительного наклонения, так, например:

āassa kiṃ nu karihimmi kiṃ bolissam kaḥam nu hohii (Н., 190) 'Когда он придет, что же я буду делать, что скажу и как [это] будет?', *marau na tumam bhaṇissam* (Н., 12) 'Пусть умру, не назову тебя!'

Различение граммем времени осуществляется противопоставлением типов основ и флексий. Основы настоящего времени обычно образуются при помощи основообразующих элементов *-a-*, *-e-*, например: мхр. *hasa-i*, *lajja-i*, мр. *peśka-di*, мхр. *kahe-i*, *tanue-i*.

Основы будущего времени характеризуются элементами *-issa*, *-iha*, *-ha*. От одного и того же глагола может быть образовано будущее время с основами на *-issa* и *-iha*, например: мхр. *gacchissami* и *gacchihimi*.

От корней, оканчивающихся на долгую гласную, основы будущего времени образуются присоединением элемента *-ha*, например: мхр. *kāhimi* — *kāhamo*, *hohimi* — *hohamo*.

В редких случаях основа будущего времени образуется с помощью геминации последней согласной корня, так, например: мхр. *moṣṣam*, *daṣṣam*. Но такие основы обычно

получают дополнительные морфемы *-issa* или *-iha*, например: мхр. *pecchissam*, *dacchihisi*.

В магадхи будущее время образуется прибавлением элемента *-iṣṣa*, например: *bhaviṣṣidi*.

И настоящее и будущее время образуются в пракритах с помощью одного и того же типа флексий (при небольших различиях).

Особенность системы форм настоящего времени состоит в том, что во всех трех лицах единственного числа и в 3-м лице множественного числа могут факультативно употребляться флексии, которые с диахронической точки зрения являются остатками старых флексий медиального залога, представленных в языках древнеиндийского периода и в ранних среднеиндийских языках. В пракритах эти флексии не имеют особого грамматического значения и должны рассматриваться как свободные варианты основных флексий, так, ср.: мхр. *picchasi* и *picchase* 'ты спрашиваешь'.

Праkritскому глаголу свойственны и некоторые перифрастические формы, которые употребляются наряду с обычными формами глагола. Такие формы представляют собой сочетание причастий совершенного и несовершенного вида с личными формами вспомогательных глаголов *atthi*, *hoi* 'быть', *thāi* 'становиться'. Однако такие формы имеют довольно ограниченное употребление и выражают скорее видовые противопоставления, нежели временные, например:

мхр. *māsapasūam... puttā kāmantaō hohi* (Н., 259) 'Люби, сынок... месяц назад родившую', *maṇe thi-āmi* (Н., 239) '[Вот] стою я возле [моей] смерти'; мр. *āṇattomhi lāsaśaśanthāṇeṇa* (Мрс., VI, 35) 'Я имею приказ от царского шурина Самстханаки'.

Категория наклонения характеризует в пракритах все личные формы глагола. Эта категория весьма существенна для махараштри и малоупотребительна в магадхи и шаурасени. Категория наклонения образуется противопоставлением трех граммем: изъявительного наклонения, повелительного и желательного, которые различаются с помощью двух пар дифференциальных признаков: «направленность—ненаправленность» и «условность—безусловность» (см. табл. 18).

Основное значение повелительного наклонения — приказание или настойчивая просьба, обращенная к участнику акта коммуникации, например:

мхр. *gaccha gharaṃ se* (Н., 21) 'Иди в дом его', *canda chivasu tamaṃ pi tehi vva karehiṃ* (Н., 16) 'Коснись, луна, и меня теми же лучами', *aṇṇamahilāpasangam he deva karesu amha daiassa* (Н., 48) 'Пошли (букв. сделай), судьба, моему возлюбленному

соединение с другими женщинами'; мр. *vahadha vail-lā vahadha* (Мгс., VI, 36) 'Везите, быки, везите'.

Иногда повелительное наклонение имеет значение, близкое к значению желательного, например:

мхр. *avarāhaṇa... kaarā khamijjantu?* (Н., 89) 'Сколько [твоих] проступков должна я еще простить? (букв. должны быть [мною] прощены)'.
Вместо 1-го лица в повелительном наклонении обычно употребляется 3-е, например: *marau ṇa tumam bhaṇissam* (Н., 12) 'Пусть я умру, но не назову тебя'.

Основное значение желательного наклонения — пожелание, например:

мхр. *jāejja vaṇuddese kujjovihunīsaho jhaḍiapatto* (Н., 230) 'Пусть гибнет в лесном краю кривое чаклое дерево'.

В значении вежливого побуждения к действию желательное наклонение сближается с повелительным. Это относится к формам 2-го лица единственного и множественного числа. Интересно, что в этих случаях наряду с обычными флексиями желательного наклонения часто употребляются флексии повелительного наклонения (-*hi*, -*su*), вошедшие уже в парадигму опатива, например:

kaṇḍuiapaṇḍuram jaha ṇa hoi taha tam karejjā-su (Н., 183) 'Сделай, прошу тебя, так, чтобы не было у него болезни', *mā sāhasam karijjasu* (Н., 154) букв. 'Не делай, прошу тебя, спешки'.

Желательное наклонение может выражать также возможность, необязательность действия. Противопоставление желательного наклонения и повелительного наглядно выражено в следующих примерах:

мхр. *suṇasu viṇṇattim mahua saniam galijjāsu* (Н., 104) 'Послушай, махука, представление, [потом] постепенно можешь исчезать', шр. *eva pi ṇāma vis-*

Таблица 18

Граммемы наклонения

Дифференциальные признаки Наклонения	Направленность — ненаправленность	Условность — безусловность
Изъявительное	—	—
Повелительное	+	0
Желательное	—	+

sātaṃ laheam (Śak., II) 'Может быть так я получу покой'.

При помощи желательного наклонения в пракритах могут выражаться некоторые виды условно-следственной связи, однако это бывает только в бессоюзных предложениях, как, например:

ehijja so pauttho ahaam kuppejja so pi anuṇeja (Н., 17) 'Если придет он, находящийся в отъезде, я буду сердиться, а он станет успокаивать'.

Однако в условных предложениях с союзом *jai* 'если', желательное наклонение не употребляется, а встречается только настоящее или будущее время изъявительного наклонения, например:

pāvasai jai calacittam piṃ jaṇam tā tuha kahissam (Н., 158) 'Если застанешь милую повредившейся в уме, тогда я тебе это скажу'.

Граммемы наклонения различаются в пракритах противопоставлением типов основ и флексий. Основа изъявительного наклонения совпадает с основами настоящего и будущего времени, основа повелительного наклонения — с основой настоящего времени. Основа желательного наклонения в махараштри образуется при помощи элементов *-ejja*, *-ijja*, в магадхи и шаураसेни — при помощи элементов *-e*, *-ea*, например:

мхр. *hasejjami*, *galijjami*, *rajjijjami*; шр. *bhaveam*, *bhave*; мг. *muṣe*, *bhave*.

Флексии повелительного наклонения частично совпадают с флексиями изъявительного (в 1-м и 2-м лице множественного числа). В остальных лицах повелительное наклонение имеет собственные флексии.

Желательное наклонение имеет флексии, тождественные флексиям изъявительного наклонения в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа в одном из вариантов парадигмы. В остальных имеет собственные флексии.

В махараштри тенденции к сближению повелительного и желательного наклонения в сфере значения проявляются и в области формального выражения. Наряду с обычными флексиями опатива во 2-м лице единственного и множественного числа в махараштри часто употребляются флексии императива *-hi*, *-si* — для единственного числа и *-ha* — для множественного. Эти формы, как правило, используются для выражения просьбы. Так что можно было бы говорить о некой пограничной категории, представляющей контаминацию опатива и императива и имеющей ограниченную сферу употребления.

Экстенсивность категории наклонения в махараштри проявляется в соотношении граммем наклонения и времени, в частности в стремлении сочетать граммему желатель-

ного наклонения с гипотетической граммемой будущего времени, что было невозможно в языках раннего периода. Ср. мхр. *ehijja* 'пусть он придет' — желательное наклонение будущего времени от глагола *ei* 'идти'.

Пример парадигмы спряжения глагола дан в приведенной ниже таблице (см. табл. 19).

Категория залога характеризует личные формы глагола и некоторые неличные (причастия).

Несмотря на то, что в плане выражения в пракритах встречаются два типа форм: активные и медиальные (т. е. те, которые в ранний период служили для выражения медиального залога), в плане содержания эти различия не находят подтверждения. Они связаны обычно лишь с метрическими задачами автора текста. Это подтверждается и грамматикой Вараручи. Первые три правила VI главы утверждают взаимозаменяемость активных и медиальных аффиксов, как, например: *paḍhasi* и *paḍhase* 'ты читаешь', *paḍhai* и *paḍhae* 'он читает'.

Таким образом, медиальные флексии в пракритах есть остатки старого строя, потерявшие в новом строе различительный характер.

В системе пракритского глагола существует противопоставление двух граммем залога: активного и пассивного, различающихся дифференциальными признаками обращенности — необращенности на объект действия.

Граммемы залога

необращенность на объект действия — пассивный залог

обращенность на объект действия — активный залог

Соотношение граммем времени и залога в пракритах позволяет сочетать активный и пассивный залогов и с настоящим и с будущим временем.

Пассивный залог в настоящем времени:

sunai 'он слышит' — *sunṇai* 'слышится',

hasai 'он смеется' — *hasijjai* 'он осмеивается',

sahai 'он может' — *sahijjai* 'превозмогается'.

Пассивный залог в будущем времени: *Sā kaiā vi khajji-hai* (Н., 140) 'Когда-нибудь она будет съедена'.

Пассивный залог в пракритах получает широкое распространение, в значительной степени вытесняя активные конструкции. При этом следует заметить, что пассивный залог употребляется почти исключительно для выражения переходного-личного действия и по своему значению очень близок к активному залогов, например:

gāmadāhe... teṇa kuḍo gahio (Н., 229) 'Во время пожара деревни... он взял [у меня] кувшин (букв. им был взят у меня кувшин)', *sahihi ruṇṇā na ohasia* (Н., 59) 'Подруги плакали над ней, а не смеялись',

Парадигма спряжения глаголов *
 мхр. *hasami* 'смеяться'; шр. *gacchami*,
 мг. *gaścami* 'идти'; шр., мг. *bhavati* 'быть'

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
I	<i>hasami</i> <i>maṇṇe</i>	<i>gacchami</i> <i>lahe</i>	<i>gaścami</i> <i>gāe</i>	
II	<i>hasasi</i> <i>vaṭṭase</i>	<i>gacchasi</i> <i>gacchase</i>	<i>gaścaśi</i>	
III	<i>hasai</i> <i>kuppae</i>	<i>gacchadi</i> <i>ramade</i>	<i>gaścadi</i>	<i>lihati</i>
IV	<i>hasāma</i> <i>hasāmo</i> <i>hasamu</i>	<i>gacchamo</i>	<i>gaścamo</i>	
V	<i>hasaha</i>	<i>gacchadha</i>	<i>gaścadha</i>	
VI	<i>hasanti</i> <i>kuppante</i>	<i>gacchanti</i>	<i>gaścanti</i>	<i>nipatanti</i>
VII	<i>hasissami</i> <i>hasissaṇ</i>	<i>gacchissami</i>	<i>gaściśśami</i>	
VIII	<i>hasissasi</i>	<i>gacchissasi</i>	<i>gaściśśaśi</i>	
IX	<i>hasissai</i>	<i>gacchissadi</i>	<i>gaściśśadi</i>	
X	<i>hasissāma</i> <i>hasissamo</i>	<i>gacchisamo</i>	<i>gaściśśamo</i>	
XI	<i>hasissaha</i>	<i>gacchissadha</i>	<i>gaściśśadha</i>	
XII	<i>hasissantī</i>	<i>gacchissantī</i>	<i>gaściśśanti</i>	
XIII				
XIV	<i>hasa</i> <i>hasasu</i> <i>hasehi</i>	<i>gaccha</i>	<i>gaśca</i>	
XV	<i>hasau</i>	<i>gacchadu</i>	<i>gaścadu</i>	
XVI	<i>hasāmo</i> <i>hasāmu</i> <i>hasamha</i>	<i>gacchamha</i>	<i>gaścamha</i>	
XVII	<i>hasaha</i>	<i>gacchadha</i>	<i>gaścadha</i>	<i>vaṭṭatha</i>
XVIII	<i>hasantu</i>	<i>gacchantu</i>	<i>gaścantu</i>	
XIX	<i>hasejjā</i> <i>hasejjami</i>	<i>bhaveam</i> <i>bhave</i>	<i>bhave</i>	

Сочетания граммем	Махараштри	Шаурасени	Магадхи	Пайшачи
XX	<i>hasejjā</i> <i>hasejjasi</i> <i>hasejjahi</i> <i>hasejjasu</i>			
XXI	<i>hasejjā</i>	<i>bhave</i>	<i>bhave</i>	<i>huveyya</i>
XXII	<i>hasejjama</i>			
XXIII	<i>hasejjaha</i>			
XXIV	<i>hasejjā</i>	<i>bhave</i>		

* Флексий № 2, № 4, № 10 употребляются лишь с некоторыми глаголами. Здесь приведены примеры глаголов, которые засвидетельствованы в пракритских текстах (*maṇṇe* 'я думаю', *vaṭṭase* 'ты есть', *kiprae* 'он гневается').

ghariṇṭe hattheṇa chittaṃ tuhaṃ (Н., 14) 'Хозяйка рукой тронула лицо'.

Особенно ярко выражена непротивопоставленность значений активного и пассивного залога в следующем примере:

kim tāva kaṃ ahaṇā karesi kāhisi a suhaa (Н., 89) 'Что ты сделал (букв. что с тобой было сделано), делаешь или сделаешь, милый'.

Наряду с расширением сферы употребления пассива, с вторжением его в область активного залога, в пракритах происходит смешение активных и пассивных форм в том смысле, что пассивные формы начинают употребляться в чисто активном значении, например:

gammihisi (Н., 609) 'ты пойдешь', *gasijjihi* (Н., 804) 'ты будешь', *hammai* (Vr., 845; Н., 4244) 'он убивает'.

В пракрите магадхи пассив настоящего времени употребляется в значении активного залога будущего времени, например:

bhaviṣṣadi и *bhaviādi* (Mk. f., 75) 'Он будет', *vā-vādiāsi* (Mṛc., 175, 25) 'ты умрешь', *pivāsiāsi* 'ты захочешь пить'.

В плане выражения активному и пассивному залогам соответствуют в пракритах разные основы.

Основа пассивного залога характеризуется элементом *-(j)ja/-ijja*, *-ijja* обычно употребляется для производных глаголов, например: *ṇihuvijjai* 'он испытывает волнение', а

-jja выступает после гласной: *dijjai* 'дается'; после согласной *-(j)ja* бывает представлен гласной *a* с предшествующей геминированной согласной: *gammai*, *suṇṇvai*, *suppai*.

Иногда от одного и того же глагола может быть образовано две формы пассива: *ruṇṇvai*, *ruṇṇvijjai* 'оплакивается'; *gammai*, *gamijjai* 'он идет'. Глагол *gaheti* 'брать' имеет пассив *gheppai*.

В магадхи пассив образуется с помощью элемента *-īa*: *śunīadi*, *gaścīadi*.

Причастия — подкласс, особенность которого состоит в том, что он входит одновременно в класс глагола и в класс имени (наличие категорий рода, числа и падежа).

В плане глагольности причастию в пракритах свойственны категории вида и залога, которые выражаются изменением основы.

Противопоставление совершенного и несовершенного вида осуществляется в причастиях противопоставлением основ: на *-a*, *-ṇa* — для совершенного вида и на *-nta*, *-māṇa* — для несовершенного вида.

У причастий совершенного вида суффикс *-a* присоединяется к основе, оканчивающейся на гласную, например:

мхр. *gahia* от глагола *gaheti* 'брать', *vasia* от глагола *vasai* 'жить', *picchia* от глагола *picchai* 'спрашивать'.

Суффикс *-ṇa* прибавляется к основам, оканчивающимся на согласную. При этом согласная, предшествующая суффиксу, всегда ассимилирует *-ṇ*, например:

мхр. *diṇṇa*, но *chikka* < **chik-ṇa*, *mikka* < **mik-ṇa*, *umtilla* < **umtil-ṇa*.

Поскольку противопоставление активного и медиального залогов в пракритских причастиях утрачено, как и в личных глагольных формах, то основообразующие элементы *-nta* и *-māṇa* являются свободными вариантами при образовании активных причастий несовершенного вида, т. е. *jāṇanta* и *jāṇamāṇa* 'знающий'.

Для причастий несовершенного вида характерно противопоставление граммем активного и пассивного залогов. Однако это противопоставление выражается не противопоставлением основ причастий на *-nta* или *-māṇa*, как в раннесреднеиндийский период, а лишь собственно глагольной основой (активной или пассивной). При этом, как и в активном залоге, пассивное причастие может быть образовано и с помощью *-nta* и *-māṇa*, например:

активное причастие —

ahararāo... sāvatthiṇaṇesu saṃkanto (Н., 107)

'Краска губ... переходящая на глаза жены', *āsa-*

pahehiṃ bhamanta hīa (Н., 202) 'Сердце, идущее воздушными путями', *ko me atthi tti jampatāṇā* (Н., 89) 'Говорящая: «Кто у меня есть?»';

пассивное причастие —

vimjhaṃ pūrijjantaṃ pavabbhehiṃ (Н., 116) '[Горы] Виндхья, наполняющиеся новыми тучами'.

Аналогично употребляются причастия типа: *kahijjanta* (Н., 202), *pādijjanta* (Н., 155), *disanta* (Н., 44) и др., например:

sahīāhi bhannamānā thaṇue laggam kusumbhapurphanti muddhavahūa hasijjai? (Н., 145) 'Удивленная молодая женщина высмеивается подругами спрашиваемая: «[У тебя] на груди застрял цветок кусумбха?»', *puttaṃ ... amsuhiṃ pahiaghariṇi olijjantaṃ na lakkhai* (Н., 623) 'Жена путника не замечает, [что] сынишка увлажнен (ее) слезами'.

Пассивное причастие будущего времени или причастие со значением долженствования не имеет в пракритах видовых различий. Залоговые различия в этих причастиях определяются лишь лексическим значением глагола.

Причастия долженствования образуются прибавлением к основе глаголов элементов *-avva*, *-aṇijja*, *-ja* — для махараштри и *-davva*, *-aṇia*, *-īa* — для магадхи и шаурасени: мхр. *roiavva* 'тот, который должен быть оплакан', мг. *ka-davva*, шр. *karaṇīa* 'тот, который должен быть сделан', например:

мхр. *iṭṭhī kaha ṇi mae sodhavva!* (Н., 18) 'Как мне выдержать [эту] женщину!', *ajja mae gantavvaṃ ghaṇandhaare* (Н., 115) 'Сегодня я должна [буду] пойти в полной темноте', *mājjha māṇeṇa vi na kajjaṃ* (Н., 187) букв. 'Моей надутости больше не будет (не должно делаться)'.

Инфинитив, выражающий в пракритах лишь одну категорию производности глагольного действия, характеризуется элементами *-iṃ*, *-tuṃ* — для махараштри, присоединяемыми к основе глагола (иногда посредством гласной *e* или *i*), и элементом *-duṃ* — для магадхи и шаурасени, например:

мхр. *kāuṃ*, *mariaṃ*, *rūseuṃ*, *gantūṃ*, мг. *mariduṃ*, *puṣciduṃ*; мхр. *kālasāro na dei gantuṃ* (Н., 25) 'Черная антилопа не дает идти', *ussāsiaṃ pi na tirai kiṃ uṇa gantuṃ haathaṇehiṃ* (Н., 258) 'Из-за проклятых грудей, вздохнуть не может она, не то что идти к тебе'.

Абсолютив, обозначающий побочное глагольное действие, чрезвычайно употребителен в пракритах. Образуется абсолютив прибавлением к корню или основе настоящего

времени элемента *-uṇa/-uṇaṃ* для махараштри, *-duṇa* — для магадхи и шаурасени, *-tuṇa* — для пайшачи, например:

мхр. *houṇa, hasiṇa, gheṇa*; шр. *bhodūṇa, kariduṇa*; пш. *gantūṇa, rantūṇa*.

Кроме того, в магадхи и шаурасени встречается абсолютив на *-ua, -ia*, например:

шр. *kadua, bhavīa*; мг. *gadua, peskia, gaścia*; мхр. *raiṇo souṇa siñjīṇighosaṃ...* (Н., 54) 'Услышав звук тетивы, [натянутой] мужем...', *kaamaṇṇuaāi bhariūṇā...* (Н., 59) 'Вспомнив вспышки гнева...', *pahiassa jāā āucchiṇa... bhamai gharaṃ ghareṇa* (Н., 47) 'Жена путника, простившись... ходит от дома к дому'.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Описание синтаксических структур пракритов представляет значительные трудности в связи со спецификой дошедших до нас текстов. Так, все известные нам тексты на пракрите махараштри — метрические. Вследствие этого синтаксические структуры махараштри затемнены наложением поэтической модели, которая в значительной мере определяет выбор тех или иных конструкций, порядок слов в предложении и т. д. Особенность малой поэтической формы, где каждое стихотворение является метрической структурой, состоящей из четырех *pāda*, обусловила значительный перевес среди используемых синтаксических структур сложноподчиненного предложения. Напротив, для эпического жанра, развившегося под влиянием санскритских поэм, характерно преобладание именного стиля с употреблением сложных слов, которые могли выступать в функции синтагм и предложений.

Для пракритов шаурасени и магадхи, тексты которых представляют собой реплики персонажей в драме, преобладающей структурой является простое предложение, большей частью эмфатизированное.

К числу элементарных моделей предложения, составляющих ядро грамматики, в пракритах можно отнести следующие: глагольное предложение $N_{\text{Nom.}} + V_{\text{fin.}}$, глагольное предложение $N_{\text{Nom.}} + V_{\text{inf.}}$ и различные виды именных предложений.

Модель $N_{\text{Nom.}} + V_{\text{fin.}}$ представляет собой структуру, состоящую из имени существительного или местоимения в именительном падеже и глагола в личной форме, например, *jaṇo jaṇai* 'Человек знает'. При свертывании второго члена до нуля получается неполное предложение: *jaṇo* 'Человек'. При свертывании первого элемента полное предложение сохраняется: *jaṇai* 'Он знает'.

С другой стороны, имя и глагол в этой конструкции могут разворачиваться в группу имени и группу глагола соответственно способам построения минимальных синтаксических конструкций. Результатом такого разворачивания являются предложения типа:

puriso haṇai kajjaṃ (Н., 214) 'Человек губит дело', *vāmaṇarūvo harī jaai* (Н., 406) 'Хари в образе карлика побеждает', *bhoṇḍi vinā vi kajjena gāmaṇiade jave carai* (Н., 402) 'Кабаниха без надобности травит близкий к деревне ячмень', *tsaluo paī se ratiṃ mahuaṃ ṇa dei ucceiṃ* (Н., 160) 'Ревнивый муж не дает ей ночью собирать мадхуку'.

Однако эта глагольная модель предложения встречается только в сфере настоящего и будущего времени. Вторая модель предложения, состоящая из имени в именительном падеже и глагола в неличной форме, т. е. $N_{Nom.} + V_{Inf.}$, не может рассматриваться в качестве трансформации первой модели, поскольку она употребляется только в сфере прошедшего времени, где недопустима первая модель, так, например:

mūluccheaṃ gaam peṭṭaṃ (Н., 239) 'Вырванная с корнем, ушла любовь', *ajjaṃ gao* (Н., 238) 'Сегодня прошло', *paṇatthāo candātarāo* (Н., 438) 'Луна и звезды исчезли', *sā suā* (Н., 115) 'Она заснула', *sā godaule ṇhāa* (Н., 192) 'Она искупалась в потоке Годы', *paḥio olindae vasio* (Н., 254) 'Путник заночевал на веранде'.

Особое значение в сфере претеритальности имеет другая конструкция предложения, состоящая из имени в творительном падеже и неличной формы глагола, т. е. $N_{Instr.} + V_{Inf.}$ ¹⁷. Эту конструкцию нельзя считать результатом трансформации модели $N_{Nom.} + V_{Inf.}$, ибо обе они находятся в отношении дополнительного распределения: первая конструкция употребляется при переходных глаголах, вторая — при переходных, например:

мхр. *teṇa kuḍo gahio* (Н., 229) 'Он взял кувшин' (букв. 'Им был взят кувшин'), *taṃ tiā ṇa diṭṭho* (Н., 221) 'Она тебя не заметила' (букв. 'Ты не был ею замечен'); мр. *ośālida mae śaada* (Мгс., VI) 'Я отвел повозку'.

Вследствие отсутствия в пракритах глагольных форм претерита такие конструкции лишь с точки зрения диахронической могут быть реконструированы как пассивные трансформы, так, например, ср. пали: (so) *kuṭam gahesi* 'Он взял кувшин'.

¹⁷ При этом неличная форма глагола согласуется по роду и числу с логическим дополнением.

В пракритах подобный тип предложения является наиболее употребительным при выражении претеритальности, например:

karañjasāhāhiṃ entīa kulaharāo nāaṃ vāhīa paī-maraṇaṃ (Н., 124) 'Жена, идущая из отцовского дома, по веткам карандажи узнала о смерти мужа' (букв. 'Женой... была узнана смерть мужа'), *so suṇaḥo ajja mārio teṇa dariasīheṇa* (Н., 177) 'Эту собаку сегодня разорвал свирепый лев'.

В русле общей тенденции, существующей в пракритах, к стиранию различий между активным и пассивным залогом, эта конструкция предложения в плане содержания мыслилась, по-видимому, как активная. Об этом же свидетельствует и способ усложнения элементарной модели абсолютивом. Если в активных конструкциях (при выражении настоящего или будущего времени) в результате такого усложнения имеет место конфигурация $V_{abs.} + N_{Nom.}$, как, например:

jāā aucchīṇa bhamaī gharaṃ ghareṇa (Н., 47) 'Жена, простившись, бродит от дома к дому',

то в разбираемой нами конструкции абсолютив может входить в конструкцию не с грамматическим, а с логическим подлежащим, выраженным именем в творительном падеже, т. е. возможна конфигурация $V_{abs.} + N_{Inst.}$, например:

so mae hasiṇa gāḍhamivagūḍho (Н., 451) 'Я, смеясь, его крепко обняла' (букв. 'Он мною, смеясь, был крепко обнят'), *gahavaiṇā tuasairihaḍuṇḍuadāmaṃ ciraṃ vaheṇa vaggasāāiṃ ṇeṇa ṇavarīa ajjaghare vaddhaṃ* (Н., 174) 'Хозяин, долго носивши кнут павшего вола, прогнавши им сотни стад, теперь повесил его в храме «Аджи»' (букв. 'Хозяином... кнут... повешен').

Наряду с глагольными предложениями в пракритах широкое распространение получили именные предложения типа $N_{Nom.} + N$, где первый элемент является существительным или местоимением в именительном падеже, а второй — любым именем.

Предложения такого рода особенно характерны для диалогической речи, встречающейся в литературных текстах. Возможно, это свидетельствует о большой употребительности этой модели предложения в разговорных среднеиндийских языках, например:

мхр. *cattaghariṇī piadamsaṇā* (Н., 36) 'Хозяйка двора — приятная на вид', *hīaṃ vīa attaṇo tuha paṭṭāṇaṃ* (Н., 201) 'Сердце ведь собственное для тебя мера', *ṇa haṃ dūī ṇa tuṃaṃ piō* (Н., 185) 'Я не

посланница, ты не возлюбленный', *sā tujjha vallahā* (Н., 129) 'Она — твоя милая', *jampiaṃ kaṇṇe* (Н., 135) 'Речь в ушах', *candasariṣaṃ tuhaṃ se* (Н., 213) 'Лицо ее подобно луне'; шр. *kassa aam darao?* (М҃с., VI) 'Чей этот мальчик?'

В отношении порядка слов для простых повествовательных предложений, не содержащих эмфазы, в пракритах можно определить лишь некоторые самые общие закономерности. В предложениях такого типа субъект всегда стоит перед предикатом, а предикат тяготеет к концу предложения. Дополнения занимают место перед предикатом. При наличии нескольких дополнений косвенное дополнение предшествует прямому, а прямое обычно стоит непосредственно перед глаголом.

Определение всегда стоит перед определяемым. Элементы предикативной группы — перед предикатом.

Имя в местном или винительном падеже со значением места или времени, а также временные наречия могут стоять непосредственно перед глаголом, если относятся к глаголу, и могут находиться в начале предложения, если относятся ко всему предложению.

В вопросительном предложении порядок слов может сохраняться таким же, как в повествовательном, с той разницей, что на первом месте в таких предложениях стоит вопросительное слово: *kiṃ*, *kīsa*, *kahaṃ* (шр., м҃г. *kadhaṃ*), *kaimo*, *kiṇo*, *kuo* (шр., м҃г. *kudo*) или сочетание вопросительного слова и вопросительной частицы: *kiṃ una*, *kiṃ ñi*, например:

мхр. *kiṃ ña visamasi* (Н., 49) 'Почему ты не отдыхаешь?', *kīsa hīaṃ paliviṇṇa aṇusaṇa putthiṃ palivesi* (Н., 33) 'Зачем, сжегши сердце раскаянием, сжигаешь [мне] спину?'; шр. *kudo amhāṇaṃ suvaṇṇavaharo* (М҃с., VI) 'Откуда у нас золотая повозка?', *kiṃ ñi karihimmi* (Н., 190) 'Что же я буду делать?', *kiṃ una suṇṇaṃ cittaṃ padibhādi* (Ratn., II) 'Почему же картина кажется пустой?'

Порядок слов обычно меняется при наличии глагола в повелительном наклонении, например; *vaccha gharaṃ se* (Н., 21) 'Иди в дом его', а также в эмфатизированных предложениях: шр. *ālihido mae eso!* (Ratn., II) 'Нарисовала я его!'

Метрические тексты иногда следуют перечисленным выше правилам, но иногда допускают значительные отклонения от них. При этом наблюдаются некоторые общие закономерности изменения порядка слов. Так, глагол в метрических текстах может стоять в начале предложения, а имя в именительном падеже — в конце, например:

avaamsanti sadaam sirisakusumāim pamadāo (Śak., I) 'Женщины всегда вплетают [в волосы девушек] цветы шириша'.

Два дополнения могут разрываться глаголом или абсолютивом:

raiṇo souṇa simjhiniṅghosaṃ (Н., 54) 'Услышав звук тетивы, [натянутой] мужем'.

Определение и определяемое разрываются именем:

taṃ nirasāṇa doso kusumāṇaṃ (Н., 141) 'Это вина безвкусных цветов', *duggaassa chāaṃ piassa rakkhaṇṭi* (Н., 38) 'Защищая честь несчастного мужа'.

При построении пракритского простого предложения основная модель предложения может усложняться введением различного рода конструкцией. Особенно продуктивны при этом конструкции с причастием настоящего времени и абсолютивом, например:

шр. *eso ajja govaladārao guttiāṃ bhajjia gutti-vālaaṃ vāvādia bhaṇṇaṃ bhedia avakkamadi* (Mṛc., VI) 'Сегодня этот сын Гопалы, вырвавшись из тюрьмы, убив тюремного сторожа, разбив оковы, убежал (букв. убегает)'.

Однако длинные ряды циклов для пракритов несвойственны. В эпических текстах вместо них обычно употребляются сложные слова.

Особый тип предложения, характерный для пракритов, представляет собой структуру, в которой одно предложение включается в конструкцию другого. При этом одна часть является предложением, которое не трансформируется, а вторую часть можно считать трансформом простого независимого предложения, например:

se piāṃ ṇa saddaḥiṃo (Н., 23) 'Я не верю, что она мила (ему)'.

В этом случае первая часть — *ṇa saddaḥiṃo* 'Я не верю' — представляет собой независимое предложение, вторая часть — *se piāṃ* — есть трансформ независимого предложения *sā piā* 'Она мила'.

icchami taṃ teṇa disantaṃ (Н., 328) 'Я хочу, [чтобы] оно (тело) было им видимо'.

В этом предложении конструкция *taṃ teṇa disantaṃ* есть результат пассивной трансформации независимого предложения *so taṃ dāmsai* 'Он его (тело) видит'.

В обоих предложениях трансформы занимают позицию группы дополнения.

Другой распространенный вид предложения, где одна часть представляет собой трансформ зависимого предло-

жения, есть предложение с абсолютной конструкцией. Абсолютная конструкция, т. е. сочетание имени в местном падеже и причастия совершенного (реже несовершенного) вида, может рассматриваться как трансформ зависимого предложения причины, времени, уступительного и т. д., например:

savvassammi vi daddhe tahavi hu hiaassa nivvudi (Н., 229) 'Хотя все у меня сгорело, однако в сердце радость', *pavaṇe nāmaṃ saṁhīsohaggaṃ pasuvaiṇā vāsuikaṃkaṇammi osārie dūraṃ* (Н., 68) 'Подруги узнали счастье Парвати, потому что Пашупати далеко отодвинул змеиный браслет'.

Сложные предложения, представляющие собой соединение нескольких независимых предикативных конструкций, представлены в пракритах предложениями разных типов.

Сложносочиненные предложения образуются путем циклического соединения независимых простых предложений. Такое соединение чаще всего осуществляется путем чистого сочинения, например:

na haṃ dūt na tutaṃ pio (Н., 185) 'Я — не посланница, ты не возлюбленный', *enhiṃ vārei apo taiā mūillao kaḥiṃ va gao* (Н., 111) 'Теперь он отвергает, тогда немой пошел [бы] куда угодно', *jaā kicchena lahai se niddaṃ gāmaṇiuttassa ure palli uṇa sā suhaṃ suai* (Н., 31) 'Жена с трудом засыпает на груди сына деревенского старосты, деревушка же — та спит спокойно', *akkhāṇaṃ va loo kaheṃ amhe vi taṃ suṇito* (Н., 518) 'Мир словно рассказывает историю, мы же ее слушаем'.

Соединение простых предложений может осуществляться с помощью сочинительных союзов, единичных и парных: а 'и', *aha* 'и', 'также', *va* 'или', *ahavā* 'или', например:

ahavā gupavva lahūa ahavā gupāṇiṇo na so loo (Н., 203) 'Или достоинства легковесны, или этот мир — не знающий достоинств'.

Сложноподчиненные предложения могут выражать в пракритах отношения места, времени, цели, причины, условности, уступительности, релятивности и т. д.

Предложения, входящие в состав сложноподчиненного предложения, обычно соединяются с помощью подчинительных союзов: мхр. *jaṃ* 'что', 'чтобы', 'потому что', *jai* 'если', *jā* 'как', *jaha* 'пока', 'чтобы', *jaā* 'когда', *javā* 'пока', 'до тех пор', *jaha-jaha* 'по мере того, как'; шр. *jadi*, *jadha*, *jada*; мр. *yam*, *yadi*, *yadha* или относительных местоимений: мхр. *jo* 'который', *jaiso* 'каковой', *jettio* 'какой по количеству'; шр. *jadiso*; мр. *yo*, *yadiso*, например:

мхр. *na sundaram jam diā suasi* (Н., 63) 'Нехорошо, что ты спишь [целые] дни', *jai ehii piaamo jja tai paloassam* (Н., 139) 'Если милый придет сегодня, я буду через тебя (левый глаз) смотреть [на него]', *na vi taha viesavāso doggacca va maha jaṇei santavaṃ asamsiatthavimaṇo jaha paṇaiaṇo piattanto* (Н., 75) 'Не так жизнь на чужбине и бедность дают мне узнать печаль, как любимый человек, возвращающийся домой, не вспомнив о желанных [мне] вещах'; шр. *tā tadhā karesu jadhā na edaṃ vuttantaṃ avaro ko vi janissadi* (Ratn., II) 'Сделай тогда так, чтобы никто другой не узнал об этом', *tāvavvā mahilāṇaṃ vibbhāmā virāanti java na mulanti paṇaiaṃ* (Н., 5) 'До тех пор блистает кокетство женщин, пока они не закроют глаза', *so ṇaṃ sambharijjai pabbhasio jo khaṇaṃ hīaahi* (Н., 94) 'То именно запоминается, что сразу вышло из сердца', *canda he chivasu chitto jehi piaamo tamaṃ pi tehi vvia karehiṃ* (Н., 16) 'О луна, коснись и меня теми же лучами, какими ты коснулась возлюбленного', *jādiso tae kāmadevo ālihido tādi mae radi ālihida* (Ratn., II) 'Каким ты нарисовала Камадеву, такой я нарисовала Рати'.

В качестве составных частей сложноподчиненного предложения с придаточным относительным в пракритах часто встречаются чисто именные предложения или сочетание именного с глагольным, например:

so attho jo hatthe (Н., 251) 'Та польза, что в руке', *jo jassa vihavāsāro taṃ so dei* (Н., 212) 'У кого море богатства (букв. которое у кого море богатства), тот его раздает'.

В повествовательных сложноподчиненных предложениях зависимое предложение обычно стоит на первом месте. В эмфатизированных предложениях первое место стремится занять главное предложение. Это же наблюдается в большей части метрических текстов махараштри. В сложноподчиненных предложениях с придаточным относительным главное предложение нередко разрывается придаточным.

Последовательность времен в обеих частях сложноподчиненного предложения обыкновенно определяется смысловым заданием. Однако в условных предложениях с союзом *jai* 'если' и целевых с союзом *jaha* 'чтобы' при выражении гипотетичности в придаточном предложении обычно употребляется настоящее время (значительно реже — будущее), например:

pāvasaṃ jai calacittam piṇṇaṃ janaṃ tā tuha kahissaṃ (Н., 158) 'Если ты застанешь милую рехнувшей-

ся, тогда я тебе скажу', *kaṇḍuiapaṇḍuraṃ jaḥa ṇa hoi taḥa taṃ karejjāsu* (Н., 183) 'Сделай так, чтобы не было [у него] проказы'.

Простые предложения, входящие в состав сложноподчиненного, иногда могут соединяться и без союзов. При этом в условных предложениях при выражении гипотетичности обычно употребляется желательное наклонение, например:

ehijja so pauttho ahaaṃ kuppejja (Н., 17) 'Если он придет уехавший, я, наверное, стану сердиться'.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБРАЗЦЫ ПРАКРИТСКИХ ТЕКСТОВ

Махараштри

Бхарата. «Натьяшаstra»
(Фрагмент пракритской грамматики)

Глава 17

6. *eoāraparāṇi a amāraparaṃ a pāae natthi |*
vasaāramajjhimai a kacavaggatavaggaṇihaṇāiṃ ||
7. *vaccaṃti kagatadayavā lopaṃ atthaṃ ca se vahaṃti sarā |*
khaghatadhabhā uṇa hattaṃ uveṃti atthaṃ amuṃcaṃtā |
8. *upparahuttaraāro heṭahutto a pāae natthi |*
mottūṇa bhadra-vodraha-padra-hrada-candra-jāīsu ||
9. *khaghatadhabhāṇa haāro muha-meha-kahā-vahū-pahūesu |*
kagatadapabāṇa ṇiccaṃ vīyammi ṭhio hoi ||

Перевод

6. Звуки, за которыми следуют *e*, *o* или анусвара, в пракрите не сохраняются. Это же относится к звукам, которые находятся между *va* и *sa*, а также гуттуральными, палатальными и зубными.

7. *ka*, *ga*, *ta*, *da*, *ya* — элидируются, и гласные звуки несут значение. С другой стороны, *kha*, *gha*, *tha*, *dha*, *bha* переходят в *ha*, не изменяя смысла.

8. *ra*, стоящий перед или после [согласного], в пракрите не сохраняется, кроме как в словах типа: *bhadra*-, *vodraha*-, *padra*-, *hrada*-, *candra*-.

9. *kha*, *gha*, *tha*, *dha*, *bha* переходят в *ha* в [словах типа] *muha*-, *meha*-, *koḥa*-, *vahu*-, *pahua*-. Из [группы согласных, содержащей] *ka*, *ga*, *ta*, *da*, *pa*, *ba*, всегда сохраняется [стоящий] на втором месте.

Хала. «Саттасан»

22. *ārapaṇāmioṭṭhaṃ aghaḍiaṇāsaṃ asaṃhaaṇidālaṃ |*
vaṇṇaghiālitamuhie tīe pariṃvīaṃ bharimo ||

32. *aha sambhāviyamaggo suhaa tuejjevva navara nivvūdho |
eṇhiṃ hīae aṇṇaṃ aṇṇaṃ vāāi loassa ||*
120. *vanadamasimmailango rehai viñjhoghaṇehi dhavalehiṃ |
chīroamanthanucchasitaduddhasittovva mahumahaṇo ||*
160. *īsāluo paī se rattiṃ mahuaṃ na dei ucceuṃ |
uccei appanavva mae aiujjusahāvo ||*
165. *vālaa ko pulaijjau kassa kahiṃjau suhaṃ va dukkhaṃ va
keṇa samaṃ vihasiṃjau pāmara pore haaggāme ||*
173. *goḍāṇaīe kacche cakkhanto rāīāi pattāiṃ |
upphalai makkado khokkhei a poṭṭhaṃ a piṭṭei ||*
219. *saccaṃ bhaṇāmi bālaa natthi asakkaṃ vasantamāsassa |
gandheṇa kuravaāṇaṃ manammi asaittaṇaṃ na gaā ||*
247. *jiviam asāsaṃ via na nivattai jovvaṇaṃ aikkantaṃ |
diahā diahehiṃ samā na honti kiṃ ṇiṭṭhuro loo ||*
412. *suppau taio vi gao jāmotṭi sahīo kīsa bhaṇaha |
sehāliānaṃ gandho na dei sottuṃ suaha tumhe ||*
435. *kattha gaṃ raibambaṃ kattha paṇaṭṭhāo candatārāo
gaṇe valāpantiṃ kālo horaṃ va katthei ||*

Перевод

22. Вспоминаю, как целовал я ее,
Намазанную цветным гхи,
Как старался к губам склониться,
Носа и лба не задев.
32. Благородство такое, милый,
На твою лишь долю досталось.
Теперь на сердце одно,
На словах у людей — другое.
120. Сквозь синюю тучу сверкают вершины Виндхья,
Одетые белыми облаками.
Как будто Вишну, пахтая молочное море,
Рассеял белые брызги.
160. Ревнивый муж не дает ей ночью
Собирать [цветы] мадхуки,
Сам их собирает.
Уж слишком, матушка, он простодушен.
165. В деревне этой проклятой —
Одни дураки. На кого игриво смотреть?
С кем счастье и горе делить?
С кем смеяться?
173. Пожирая листья черной горчицы,
Прыгает по берегу Годы обезьяна.
Кряхтит, урчит [беззаботно]
И хлопает себя по брюху.

219. Правду, сынок, говорю.
Невозможного нет в весенний месяц.
Разве не стали от запаха кураваки
Грешны ее мысли?

247. Не вечна жизнь.
Не возвращается прошедшая молодость,
И дни на дни не бывают похожи.
Как тверд мировой порядок!

412. Зачем, подруги, мне говорите:
«Спи, прошла уже третья стража»?
Запах сехалик заснуть не дает.
Спите сами!

435. Куда девался солнечный круг?
Куда исчезли луна и звезды?
Как черту (звездочет) чертит в небе пора дождей
Журавлиную стаю.

Вакпати. «Гаудавахо»

85. *katto nāma na iṭṭham saccaṃ kaiseviesu maggesu |*
sīmaṇṭe uṇa mukkammi tammi savvaṃ naṇaṃcea ||

89. *ko vea viārei viśesavitttharaṃ tāṇa jaṃ thiaṃ loe |*
nāmeccia saṃkantā garuāṇa guṇa phurantaṇṇa ||

608. *kimpi dumaṇṇajjaṇṇesu hiaṃ ghosāṇaḍḍhadhūmesu |*
laggaṇi viralaṭṭhiavāsesu uṇvattagāmesu ||

Перевод

85. Разве есть что-нибудь еще не найденное
На пути, которым идут поэты!
Но у истины нет границ,
Поэтому все ново.

89. Недостатки прежних поэтов — недостатки их века:
Не было торных дорог, чтоб идти по ним.
Тщетно теперь стремятся поэты трудности те одолеть,
Что под силу были лишь предкам.

608. Сердцу милы покинутые деревни,
Где деревья растут сквозь крыши,
Где дым поднимается только от шалашей пастухов,
Где редкая сядет ворона.

Шаурасени

Калидаса. «Шакунтала»

Действие второе

[Viduṣakaḥ]: *hī māṇahe bho | hado mhi edassa piaṇṣīlassa rañño*
vaassabhāveṇa nīvviṇṇo | aṃ mīo aṃ varāho tti majjhaṃdiṇe vi gim-
he viralapāḍavacchāṇṇaṃ vaṇarāṇiṇaṃ āhiṇḍiṇa puttasaṃkarakasā vira-

sāṃ uṇhakaḍḍaṃ pivānti giriṇaḍḍisaṇḍaṇḍaṃ aṇḍadavelaṃ ca uṇhūṇhaṃ
 maṃsaṃ bhuṇṇīti | turaḅgaḍḍaṃ ca saddheṇa rattiṃ pi ṇatthi pakā-
 masuiddavaṃ | mahante jjeva paccūse dāsīeputtehiṃ sāṇḍaluddhehiṃ
 kaṇṇovaghāḍiṇā vaṇagamaṇakohaleṇa pabodhīṃ | ettikeṇāvi dāva
 piḍḍā ṇa kuttā jado gaṇḍassa uvāri vipphoḍao suṇvetto | jena kila am-
 hesu avahīṇesaṃ tatthabhavadā miṇḍusāriṇā assamaṇapadaṃ pavittheṇa
 mama adhaṇṇadāe sauntalā ṇāma kā vi tāvasakappaṇā diṭṭhā | taṃ pek-
 kha sampadaṃ ṇaaraḅamaṇassa kadhaṃ pi ṇa karedi | edaṃ jeva
 cīntaṇṇassa mama paḥāḍa acchīsaṃ raṇṇi | tā kā gādī jāva ṇaṃ kiḍḍā-
 āraparikammaṃ piavaassaṃ pekkhāmi | eso bāṇasaṇḍhattho hīaṇḍihida-
 piṇṇo vaṇapupphamaḷādhariṇi ido jjeva ācchadi piavaasso | bhodu |
 angamaddavālo bhavia ciṭṭhissaṃ | eva pi ṇāma viṇṇamaṃ laheṇa |

Перевод

[Видушка]: Ох, беда, беда! Изгонялся я, впутавшись в дружбу с этим царем-охотником. Только и слышишь: „Вон антилопа!“, „Вон верпы!“. В летнюю пору среди дня, носясь по лесам, где редкое дерево дает тень, я пью противную воду из горных речек, коричневую от [примеси] листьев, теплую и безвкусную, и в неурочное время ем теплое-претеплое мясо. От шума лошадей и слонов даже ночью всласть выспаться невозможно. А на рассвете меня будит бьющая в уши возня птицеловов и охотников, которые выезжают в лес, сукины сыны! Но на этом напасти не кончаются. Над одним нарывом появляется новый гнойник. Как-то почтенный от нас ушел и, погнав антилопу, попал, говорят, в пустынь. Там он увидел девушку-отшельницу, Шакунталой ее зовут. С тех пор совсем не думает возвращаться в город. И вот оттого что я об этом думаю, ночь [у меня] в глазах до утра. Где же выход? Однако хочется посмотреть на моего друга, [когда он явится сюда] разодетый и разукрашенный. Да вот он подходит, лук в руке, милая в сердце. На нем гирлянда из лесных цветов. Ну что ж! Сделаю вид, будто я совсем измучен. Может, хоть так найду покой.

Магадхи

Шудрака. «Мриччхакатика»

Действие шестое

[Sthavarakah]: āṇattomhi lāsaḷaasaṇṭhāṇeṇa thavalaḍ pavahaṇaṃ
 geṇhīa pupphakalaṇḍhaṃ jīṇṇa jīṇaṃ tulidaṃ ācchehi tti | bhodu
 taḥiṃ jjeva gacchāmi | vahaḍha vailla vahaḍha | kadhaṃ gāmaṇaalehiṃ
 luddhe magge | kiṃ dāṇiṃ ettha kalaissāṃ | ale le | oṇaladha oṇaladha |
 kiṃ bhaṇāḍha eṇe kaṇṇa kelake pavahaṇe tti | tā siḅḅhaṃ oṇaladha |
 kadhaṃ eṇe avale saḥiṇaṃ via maṃ pekkhīa saḥaṇaḅjeva jūḍapaḷāide
 via jūḍiale oḥāḷia attāṇaṃ aṇṇado avakkante | tā kā uṇa eṇe adhava
 kiṃ mama eḍiṇā | tulidaṃ gamiṇṇaṃ ale le gāmelua | oṇaladha oṇalad-
 ha | kiṃ bhaṇāḍha muḥuttaṃ ciṭṭha cakkapalivattiṃ dehi tti | ale le |
 laaṇaḷaṇa saṇṭhāṇakelake haḅḅe sūle cakkapalivattiṃ daiṇṇaṃ | adhava
 eṇe eḷi tavaṇṇi | tā evvaṃ kalemi edaṃ pavahaṇaṃ aḅḅaḷudattaṇṇa
 rukkhavaḍḍiḷe pakkhaḍḍaḷe thāveṃi | eṇe mhi āḍe |

Перевод

[Стхаварака]: Царский шурин Самстханака приказал мне: „Заложу повозку и быстро поезжай в старый парк Пушпакарандаку“. Вот я и еду туда. Везите, быки, везите! Почему это деревенская телега загоро-

дила дорогу? Что же я теперь буду делать? Эй! Эй! Прочь с дороги! Прочь с дороги! Как вы можете спрашивать: „Чья это повозка?“ Это же повозка царского шурина Самстханаки. Поэтому скорей прочь с дороги! Но почему он, увидав меня, прячась, убегает прочь, словно игрок в кости, бросивший игру [убегает при виде] хозяина игорного дома? Но кто же он? Однако что он мне? Поеду быстрее. Эй! Эй! Деревенщина! Прочь с дороги! Прочь с дороги! Говоришь: „Остановись на минутку, помоги переменить колесо“. Как же! Буду я, возничий царского шурина Самстханаки, помогать менять колесо! Однако он совсем один. Тогда, пожалуй, помогу ему, а повозку поставлю у боковой калитки сада почтенного Чарудатты. Вот я пришел.

Пайшачи

Дакшиньячихнасури. «Кувалаямала»

*Bhaṇiyaṃ appena Piśāṇa ṇiyaya-bhāsāe: Bho etaṃ tae lapiyyate
yatha tubbhehiṃ etaṃ pavvaya-natī-tīra-ramma-vana-kāṇan' uyyāna-
pura-nakara-pattana-sata-saṃkulaṃ puthavī-maṇḍalaṃ bhamatānake-
hiṃ katara pateso ramaniyo nirikkhito'tti.*

Перевод

Другой пайшача сказал на своем языке: «Господин, ты спрашиваешь, какая область показалась нам привлекательной во время нашего путешествия по этому земному кругу, полному сотен гор, рек, берегов, приятных рощ, лесов, садов, крепостей, городов, ворот».

ЛИТЕРАТУРА

Монографии и статьи

1. В. В. Вертоградова, К интерпретации среднеиндийских интервокальных фрикативных, — ВЯ, М., 1965, № 1.
2. В. В. Вертоградова, Классификация фонем ардхамагадхи на основе общего исчисления их дистрибуции, — КСИНА, 1963.
3. В. В. Вертоградова, О двух фонологических моделях пракрита махараштри, — «Проблемы индоевропейского языкознания», М., 1964.
4. В. В. Вертоградова, Структурная типология среднеиндийских фонологических систем, М., 1967.
5. В. С. Воробьев-Десятовский, О раннем периоде формирования языков народностей Северной Индии, — ВЛУ, 1954, № 12.
6. В. С. Воробьев-Десятовский, Развитие личных местоимений в индоарийских языках, М.—Л., 1956.
7. Т. Я. Елизаренкова, Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков, М., 1974.
8. Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров, Язык пали, М., 1965.
9. A. Banerji—Śāstri, Evolution of Māgadhī, Oxford, 1922.
10. V. P. Bapat, The Relation between Pālī and Ardhāmāgadhī, — IHQ, 1928, vol. IV.
11. H. Berger, Zwei Probleme der mittelindischen Lautlehre, München, 1955.
12. Sh. Pr. Bhattacharyya, On the World «mallaka» in the «Mr̥cchakatika», — JOI, 1959, vol. VIII, № 4.
13. J. Bloch, La formation de la langue marathe, Paris, 1920.
14. J. Bloch, Les inscriptions d'Asoka, Paris, 1951.
15. J. Bloch, L'Indo-Aryen Du Veda aux temps modernes, Paris, 1934.
16. J. Bloch, Some Problems of Indo-Aryan Philology, — BSOAS, 1930, vol. V, № 4.
17. Th. Bloch, Vararuci und Hemacandra, Güsterloh, 1893.
18. S. K. Chatterji and A. Sen, A Middle Indo-Aryan Reader, pt I—II, Calcutta, 1957.
19. S. K. Chatterji, The Origin and Development of the Bengali Language, I—II, Calcutta, 1960.
20. W. En. Clark, Māgadhī and Ardhāmāgadhī, — JAOS, 1924, vol. 44.
21. E. B. Cowell, A. Short Introduction to the Ordinary Prakrit of the Sanskrit Dramas, London, 1875.
22. D. B. Diskalkar, Sanskrit and Prakrit Poets Known from Inscriptions, — JOI, 1957, vol. VII, № 1—2.
23. Hiān-lin Dschī, Die Umwandlung der Endung — am in o und u in Mittel-Indischen, — «Nachrichten der A. W. Göttingen», phil.-hist. Kl., 1944, № 6.
24. F. Edgerton, Endingless Noun Case Forms in Prakrits, — JAOS, 1939, vol. 59.

25. F. Edgerton, The Middle Indic Verb System,—«Asiatica», Festschrift F. Weller zum 65 Geburtstag, Leipzig, 1954.
26. F. Edgerton, Prakrit Underlied Buddhist Hybrid Sanscrit,—BSOAS, 1937, vol. 8.
27. M. B. Emeneau, India and Linguistics,—JAOS, 1955, vol. 75.
28. M. B. Emeneau, The Dialects of Old Indo-Aryan,—«Ancient Indo-European Dialects», ed. by H. Birnbaum, Berkeley—Los-Angeles, 1966.
29. L. Gray, Observations on Middle Indian Morphology,—BSOAS, 1936, vol. VIII.
30. G. A. Grierson, The Piśāca Languages of North-Western India,—«Royal Asiatic Society Monographs», London, 1906, vol. VIII.
31. G. A. Grierson, The Prakrit Vibhāṣas,—JRAS, 1918, № 3.
32. G. A. Grierson, Pronunciation of Prakrit Palatals,—JRAS, 1913, April.
33. H. Hendriksen, A Syntactical Rule in Pāli and Ardhamāgadhī,—«Acta Orientalia», 1947, vol. XX.
34. A. Hoefler, De pracrita dialecto, Libri duo, Berolini, 1836.
35. E. W. Hultsch, Inscriptions of Asoka, Oxford, 1925.
36. H. Yacobi, Ausgewählte Erzählungen in Māhārāṣṭrī. Zur Einführung in das Studium des Prakrits, Leipzig, 1886.
37. H. Yacobi, Über den Śloka im Pāli und Prakrit,—KZ, 1879, Bd 24.
38. H. Yacobi, Über eine neue Sandhiregel im Pāli und im Prakrit der Jāinas und über die Betonung in diesen Sprachen,—IF, 1912—1913, Bd 31.
39. H. Yacobi, Über Vokaleinschub und Vokalisierung des y im Pāli und Prakrit,—KZ, 1877, Bd 23.
40. St. Konow, Home of Pāisāci,—ZDMG, 1910, Bd 64.
41. A. Keith, Grammarians of Prakrit. The History of Sanskrit Literature, London, 1911.
42. S. Katre, Prakrit Languages and their Contribution to Indian Culture,—«Bharatiya Vidya Studies», Bombay, 1945, № 3.
43. J. Lāber, Über das Vajjalaggam des Jayavallabha, Leipzig, 1913.
44. F. Lacôte, Contribution à l'histoire des contes indiens,—«Essai sur Guṇādhyā et la Bṛhatkathā», Paris, 1908.
45. E. Lamotte, Histoire du bouddhisme indien (La formation des langues bouddhiques), Louvain, 1958.
46. Ch. Lassen, Institutiones linguae Pracriticae,—«Bonnae ad Rhenum», 1837.
47. S. Lefmann, Zum Gāthādialekt,—ZDMG, 1875, Bd 29.
48. V. Leseny, Die Entwicklungsstufe des Prakrits in Bhāṣas Dramen,—ZDMG, 1918, Bd 72.
49. S. Lévi, Sur une langue précanonique du bouddhisme,—JA, 1912, vol. 19, № 1.
50. H. Lüders, Beobachtungen über die Sprache des buddhistischen Urkanons, Berlin, 1954.
51. A. Master, The Mysterious Pāisāci,—JRAS, 1943, № 3.
52. A. Master, An Unpublished Fragment of Pāisāci,—BSOAS, 1948, vol. XII, № 3—4.
53. M. A. Mehendale, Historical Grammar of Inscriptional Prakrits, Poona, 1948.
54. T. Michelson, The Indic Root «khyā» in Pāli and Prakrit,—IF, vol. 19, 1906.
55. L. Nitti-Dolci, Les grammairiens pakrits, Paris, 1938.
56. K. K. Norman, Samprasāraṇa im Middle Indo-Aryan,—JRAS, London, pt 1—2, 1958.
57. K. K. Norman, Some Absolute Forms in Ardhamāgadhī,—IJ, 1958, vol. II, № 4.
58. V. Pisani, Origin of the Words «Prakrit» and «Pāli»,—«Belvalkar Felicitation Volume», Delhi, 1957.

59. R. Pischel, *Grammatik der Prakrit-Sprachen*, Strassburg, 1900.
60. R. Pischel, *Die Deśiśabdas by Trivikrama*,—«Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen», 1879, Bd 3; 1880, Bd 6; 1888, Bd 13.
61. B. J. Sandesara, *Progress of Prakrit and Jaina Studies*,—«All India Oriental Conference, XX Session», Bhuvaneswar (Orissa), 1959.
62. Śastri Pishikes, *A Pracrita Grammar with English Translation*, Calcutta, 1883.
63. L. A. Schwarzschild, «First», «Second» and «Third» in Middle Indo-Aryan,—JAOS, 1962, vol. 82, № 4.
64. L. A. Schwarzschild, *The Middle Indo-Aryan Prefix vo- 'off' and some Phonological Problems Associated with it*,—JAOS, 1965, vol. 85, № 3.
65. L. A. Schwarzschild, *The Possessive Adjectives of Late Prakrit*,—JRAS, London, 1954.
66. L. A. Schwarzschild, *Quelques adverbess pronominaux du Moyen Indien*,—JA, 1957, № 3.
67. L. A. Schwarzschild, *Remarques sur quelques conjonctions du Moyene Indo-Aryen*,—«Melanges d'Indianisme a la mémoire de Louis Renou», Paris, 1968.
68. L. A. Schwarzschild, *Some Interrogative Particles in Prakrit*,—«Golden Jubilee volume», publ. by Shri Mahavira Jaina Vidyalaya, Bombay, 1967.
69. R. Schmidt, *Elementarbuch der Śauraseni mit Vergleichung der Māhārāshtri und Māgadhī*, Hannover, 1924.
70. Sukumar Sen, *Comparative Grammar of Middle Indo-Aryan*,—IL, 1951—1952, vol. XII.
71. S. Sukumar, *Historical Syntax of Middle Indo-Aryan*,—IL, 1953, vol. XII.
72. E. Senart, *Prakrits et Sanskrit bouddhique*,—JA, 1882, vol. XIX.
73. H. Smith, *Retractationes rhymicae*,—StO, 1951, vol. XVI.
74. F. W. Thomas, *Bhāsa and Acc. pl. -āni*,—JRAS, 1925.
75. E. Thrommen, *Die Worstellung im nachvedischen Altindischen und im mittelindischen*, Güstersloh, 1903.
76. A. C. Woolner, *Asoka Text and Glossary, I—II*, Calcutta, 1924.
77. A. C. Woolner, *Introduction to Prakrit*, Lahore, 1939.

Праkritские тексты

78. [Bhāsa], *Plays Ascribed to Bhāsa*, critically ed. by C. R. Devadhar, Poona, 1951.
79. Hāla, *Das Saptaśatakam*, herausgegeben von A. Weber, Leipzig, 1881 (H.)*.
80. Gaudavaho, ed. by Sh. P. Pandit,—«Bombay Sanskrit Series», XXXIV, Bombay, 1887.
81. Jāyavallabha, *Vajjālaggam*, ed. by J. Laber, Leipzig, 1914.
82. Kalidasa's *Sakuntala*, ed. by R. Pischel, Cambridge, 1922 (Śak.).
83. E. B. Kuiper (ed.), [Kuvaṭayamālā] Paisāci Fragment of the Kuvaṭayamālā,—IJJ, I, 1957.
84. H. Lüders (ed.), [Aśvaghosa], *Bruchstücke buddhistischen Dramen. Königlich-Preussische Turfan-Expedition, I*, Berlin, 1911 (Klaine-re Sanskrit Texte).
85. H. Lüders (ed.), [Aśvaghosa], *Das Śarīputraprakaraṇa ein Drama des Asvaghosa*,—SBAW, 1911, XVII.
86. [Rājasekhara], *Rājasekhara's Karpura-Mañjari*, ed. by St. Konow,—«Harward Oriental Series», vol. IV, Cambridge, 1901.

* В скобках после выходных данных помещены сокращения названий памятников, использующиеся в тексте очерка.

87. Setubandha or Rāvanavaho, ed. by Sivadatta and Parab,—«Kāvyamāla Series», 47, Bombay, 1895 (R.).
88. Somadeva, Lalitavigraharājañātaka,—«Indian Antiquary», XX, Bombay, 1891.
89. Śudraka, The Mṛcchakaṭikā, ed. by N. B. Godabole, Bombay, 1896 (Mṛc.).
90. Vardhana (ed.), [Harsa], Ratnavālī of Sri Hārṣa, ed. by C. R. Devadhar and N. G. Guru, 2 ed., Poona, 1954 (Ratn.).
91. Viśākhadatta, Mudrārākṣasa, rev. ed., Bombay, 1893.

**Древние и средневековые трактаты по грамматике,
поэтике, театру, содержащие описание пракритов**

92. [Bharata], Nāṭyaśāstra of Bharata with the Commentary of Abhinavagupta of Kashmir, vol. II, ch. 17, Baroda, 1926.
93. E. B. Cowell (ed.), [Vararuci], The Prakṛtaprakāśa or the Prakrit Grammar of Vararuci, with the Commentary of Bhāmaha, 2 ed., London, 1868 (Vr.).
94. [Dandin], Dandin's Kāvyaḍarśa with the Commentary of J. V. Bhattacharya, Madras, 1952.
95. [Hemachandra], Prakrit Grammar of Hemachandra, Sangli, Willingdor College, 1928.
96. R. Hoernle (ed.), [Chanda], The Prakṛta-Lakṣhanam or Chanda's Grammar of the Ancient (Arsha) Prakrit, pt I, Calcutta, 1880.
97. Mārkaṇḍeya, Prakṛtasarvasva, ed. by Bhaṭṭānāthāsvāmin, Vizagapatam, 1911 (Mk.).
98. R. Pischel (ed.), [Hemachandra], Hemachandra's Grammatik der Prakrit—Sprachen, I—II, Halle, 1877—1880 (Hc.).

Словари

99. Hemachandra, Deśināmamāla, ed. by R. Pischel, Bombay, 1880.
100. Pāṭasaddamahannavo, A Comprehensive Prakrit—Hindi Dictionary by T. Sheth, Calcutta, 1928.
101. The Pāyalachchhi Nāmāmāla, a Prakrit Kosha by Dhanapāla, ed. by G. Bühler, Göttingen, 1878.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВЛУ — «Вестник Ленинградского университета».
- ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
- КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
- АО — «Acta orientalia», Leiden.
- BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», London.
- IA — «Indian Antiquary».
- IF — «Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin — Leipzig.
- IHQ — «Indian Historical Quarterly», Calcutta.
- JA — «Journal asiatique», Paris.
- IJJ — «Indo-Iranian Journal», Leiden.
- IL — «Indian Linguistics», Calcutta.
- JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New York—New Haven.
- JOI — «Journal of the Oriental Institute». M. S. University of Baroda.
- JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
- KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen», Göttingen.
- SBAW — «Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften», philologisch—historische Klasse, Berlin.
- StO — «Studia Orientalia», Helsinki.
- ZDMG — «Zeitschrift der deutschen morgenlandischen Gesellschaft» Leipzig, Wiesbaden.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	5
ВВЕДЕНИЕ	10
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ	10
ЛИТЕРАТУРА НА ПРАКРИТАХ	21
ФОНЕТИКА И ГРАФИКА	25
ФОНОЛОГИЯ	31
МОРФОЛОГИЯ	53
ИМЯ	53
ГЛАГОЛ	80
СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ	91
ПРИЛОЖЕНИЕ	99
ОБРАЗЦЫ ПРАКРИТСКИХ ТЕКСТОВ	99
ЛИТЕРАТУРА	104

Виктория Викторовна Вертоградова

ПРАКРИТЫ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Е. К. Борисова*
Младший редактор *Н. И. Платонова*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Т. А. Алаева*

ИБ № 13379

Сдано в набор 14/IX 1977 г.
Подписано к печати 16/I 1978 г. А-06411.
Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 7,0.
Уч.-изд. л. 6,18. Тираж 1150 экз.
Изд. № 3892. Зак. № 633. Цена 95 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Завьялова О. Н. Диалекты Ганьсу. 6 л.

Зограф И. Т. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). 18 л.

Кузнецов Б. И. Глагольные имена языка маратхи (образование, изменение, функции в предложении). 6 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГО-
ТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117464, МОСК-
ВА В-464, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА—
ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В ы й д у т:

Липеровский В. П. Именные части речи языка хинди. 11 л.

Петровский Н. С. Звуковые знаки египетского письма как система. 12 л.

Цаболов Р. Л. Очерк исторической морфологии курдского языка. 7 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГО-
ТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117464, МОСК-
ВА В-464, МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12, МАГАЗИН № 3 («КНИГА—
ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА».